

Педофилия и детская порнография в контексте современного общества

(A humble work by an anonymous researcher)

Many people would sooner die that think. In fact they do so.

Bertrand Russel

Безумие единиц — исключение, а безумие целых групп, партий, народов, времен — правило.

Фридрих Ницше

О проблеме педофилии и детской порнографии и педофилии заговорили в США в конце 1970-х годов.¹ С тех пор эта тема переросла в целую социальную панику почти во всех развитых странах (США, Канада, Австралия, страны Европы). Обыватель научился горячо поддерживать борьбу с педофилами, которые «хуже чем убийцы», борьба с ними стала горячей политической темой, а борющиеся с педофилами и детской порнографией снискали себе уважение и понимание и затрачивают на свою деятельность существенные суммы денег, времени и сил.

В общем виде, сколько можно судить по новостям и заявлениям официальных лиц, основные идеи нынешнего движения по борьбе с педофилами и детской порнографией сводятся к нескольким основным тезисам:

- 1) Количество педофилов быстро увеличивается, педофилия быстро распространяется, несмотря на титанические усилия по борьбе с нею;
- 2) Какие бы действия педофилы не совершали, они всегда по определению наносят травму, имеющую непоправимые последствия для любого ребенка;
- 3) Злоумышленники производят в промышленных масштабах детское порно, насилия и растлевают детей, и продают его на черном рынке, зарабатывая миллиарды долларов;
- 4) Детское порно причинно обуславливает увеличение количества педофилов и способствует тому, чтобы от фантазий люди переходили к реальным действиям; это также верно относительно симулированной детской порнографии² и всего, что можно при желании истолковать как таковую; хранение и распространение детской порнографии должно быть незаконно во всех случаях;
- 5) Детская проституция процветает и активно распространяется;
- 6) Дети совершенно невинны и полностью асексуальны; ребенок может являться только объектом – и никогда субъектом сексуального влечения;
- 7) Ребенком считается любое лицо, не достигшее возраста согласия;

¹ “Public and professional acknowledgement that significant numbers of children are sexually abused by their relatives and caretakers did not really begin to emerge until the mid-1970s”, Clinical Intervention in Child Sexual Abuse, S.M. Sgroi.

² Имеются в виду любые изображения, видео и прочие продукты, в которых фигурируют напоминающие детей рисованные персонажи притом, что реальные дети или подростки никак не вовлечены в производство этих продуктов.

- 8) Дети по природе наивны, незрелы и в принципе не могут распоряжаться своим телом, не могут ни на что соглашаться или принимать решения до «возраста согласия», после которого они могут вступать в половые сношения сознательно и давая на него свое согласие; возраст согласия – необходимый элемент регулирования сексуальных отношений в обществе;
- 9) В борьбе с педофилами хороши абсолютно любые (а особенно крайне жестокие) средства;
- 10) Любой, кто сомневается в верности этих положений, должен быть немедленно заподозрен в педофилии и производстве детского порно, ибо любому нормальному современному человеку не придет в голову подвергать сомнению выше приведенные высказывания.

Я последовательно рассмотрю все эти тезисы и обсужу некоторые общие соображения и наблюдения, которые представляются мне очень важными. Я ссылаюсь на ряд научных исследований, среди которых преобладают англоязычные статьи и монографии, вышедшие в реферируемых научных журналах и изданиях. Я обычно не указываю номер, страницы и т.д. в ссылках, т.к. эти работы очень легко находятся в интернете (рекомендуется использовать Google Scholar), а соответствующую цитату легко обнаружить, скопировав ее в диалоговое окно электронного поиска по документу; общие выводы авторов почти всегда изложены в аннотации (abstract) к их публикации. Я также не даю непосредственного перевода англоязычных цитат, справедливо ожидая, что современный образованный человек не испытывает затруднений с пониманием англоязычной литературы. Итогом данной работы должен стать такой взгляд на проблему, который должен сложиться у критически мыслящего человека, привыкшего доверять науке.

Начать следует с определения термина «педофил». Если допытываться у обывателя, что же это за субъект, то обыватель, скорее всего, ответит, что это тот, кто насилует детей. Трудно осмыслить всю бездну невежества, которая окружает подобное определение. Закон имеет дело с действиями по факту; сексология – с влечением, т.е. психическим представлением соматического раздражения. Именно та или иная организация влечения дает нам право называть кого-то соответствующим научным термином. В общем виде педофил – это человек, чьим единственным или сильно преобладающим долгое время сексуальным *влечением* является такое влечение, которое требует в качестве объекта ребенка. Возраст объекта этого влечения не имеет никакого значения (влечение интересуется определенными признаками – внешними, поведенческими и т.д., а не датой в паспорте).³ Определения разнятся, но все они в той или иной форме содержат вышеописанную идею; отличия заключаются в уточняющих обстоятельствах, определениях ребенка.

M. Steto определяет педофилию как “a persistent sexual interest in prepubescent children”.⁴ K.V. Lanning определяет педофила так: “a significantly older individual who prefers to have sex with

³ Путаница с определениями и то, как она затрудняет изучение этиологических аспектов педофилии, обсуждается в Ames, Houston “ Legal, social, and biological definitions of pedophilia ”

⁴ M.C. Steto “Pedophilia and sexual offending against children: Theory, assessment, and intervention.”

individuals legally considered children”.⁵ Очевиден конфликт этих двух определений, т.к. первое обращает внимание на отсутствие признаков полового созревания, а второе включает в список объектов педофильного влечения лиц, не достигших возраста согласия.

Строго говоря, правового определения педофила не существует и не применяется.⁶ Обратимся к МКБ-10 (ICD-10) с целью получить *медицинское* определение, с которым согласно большое количество специалистов. Под кодом F65.4 значится педофилия, которая относится к блоку расстройств личности и поведения в зрелом возрасте класса психических расстройств и расстройств поведения и определяется как “a sexual preference for children, boys or girls or both, usually of prepubertal or early pubertal age”.⁷ В DSM-IV (Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders — американское руководство по диагностике и статистике психических расстройств) педофилом называется человек, который сексуально фантазирует о детях, которого сексуально возбуждают дети или который испытывает побуждения к сексуальным действиям с лицами допубертатного возраста на протяжении 6 или более месяцев при условии, что ему есть хотя бы 16 лет, а объекты его влечения младше его хотя бы на пять лет.⁸ Как видно, определения говорят об организации влечения, а не о том, совершает лицо те или иные действия или нет.

Несмотря на то, что по большей части сегодня педофилия определяется как болезнь или расстройство, вопрос о том, считать ли педофила больным или здоровым, решить очень непросто. Статистическая норма, как, разумеется, и моральная никак не могут служить основанием для определения медицинской нормы. Обычно в медицине болезненным, патологичным называют такое состояние или процесс, которые а) причиняют страдание индивиду как таковые, б) снижают жизнеспособность индивида. Ясно, почему перелом ноги есть разновидность нездоровья. Однако когда речь заходит о тех или иных организациях сексуального влечения, то тут вопрос о критерии психиатрической и сексологической нормы встает особо. Если строго держаться выше данного общемедицинского критерия, то ни педофила, ни некрофила, ни садиста, ни гомосексуально ориентированного индивида нельзя назвать больными. Гомосексуально ориентированного человека можно будет зачислить в больные, только прибавив к определению патологии дисфункцию (неспособность зачать потомство), но это породит ряд еще более трудных дополнительных вопросов. А как быть с экстремальным мазохистом или асфиксифилом? Их влечения снижают их жизнеспособность, ведут к увечьям, причиняют боль, однако для них они – пререквизит к получению удовольствия. Больны ли они? Следует ли нам закрепить примат критерия снижения жизнеспособности над критерием причинения состоянием или процессом мучений как такового? Эти вопросы и целые мириады других вопросов как нельзя лучше показывают, как тяжело реализовать общемедицинский критерий нормы в области психиатрии и сексологии. Разброс среди исследователей по данным

⁵ K.V. Lanning “Cyber “Pedophiles:” A Behavioral Perspective”

⁶ C.W. Ryan, R.C.W. Hall “A Profile of Pedophilia: Definition, Characteristics of Offenders, Recidivism, Treatment Outcomes, and Forensic Issues”

⁷ ICD-10 as provided by the WHO website // <http://apps.who.int/classifications/apps/icd/icd10online/?gf60.htm+f654>

⁸ American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. Revised 4th ed. Washington, DC: American Psychiatric Association; 2000.

вопросам очень велик; многие авторы выделяют разные виды норм (личную, партнерскую и т.д.), некоторые держаться той идеи, что любая сексуальная норма – есть продукт социальной жизни и общественного сознания и не связана с какими-то аспектами объективной реальности.⁹ Кроме того, было бы странно, если бы гастроэнтерологическая норма варьировала от континента к континенту и от эпохи к эпохе, почему же сексуальная должна? Но тут привлекаются огромные массивы опытных данных от антропологии, и мы узнаем, что даже самые дикие (с нашей точки зрения) формы сексуальных практик являются веками устоявшейся культурной нормой в других местах. Можно ли целые культуры называть больными? Могут ли состоящие из одних больных людей сообщества существовать веками? Могут ли одни и те же сексуальные действия быть по медицинским меркам здоровьем и болезнью в зависимости от страны, времени? Я не могу дать ответа на эти вопросы; я лишь обозначаю проблемы, которые сопряжены с тем, чтобы называть те или иные организации человеческого либидо патологическими. Только обывателю кажется, что педофил или некрофил, конечно, больны – в его сознании понятие медицинской нормы подменено понятием моральной нормы, статистической нормы, эстетической нормы; он не мирится в идеей о том, что что-то омерзительное, редкое, предосудительное может быть вариантом медицинской нормы. В силу всех этих технических сложностей, я воздержусь от решения вопроса о том, является ли педофилия разновидностью нормы или нет. Среди работ, которые содержат подробный обзор антропологических данных (которые должны представляться борющимся с педофилами несказанно шокирующими) о педосексуальных действиях, следует особо выделить статью Г.Б. Дерягина¹⁰. Другие авторы¹¹ также уделяют антропологическим данным большое внимание.

Оставляя вопрос о патологичности педофилии, следует отметить, что если признаки полового созревания у объекта влечения наличествуют, то влечение взрослого индивида к такому созревающему ребенку – совершенно здорово. Если возраст, неопытность или слабая степень выраженности признаков полового созревания все же имеют значение для половозрелого индивида, испытывающего влечение, то речь идет о варианте сексуального предпочтения – эфебофилии, которая не выделяется в самостоятельную нозологическую единицу. Мужчина, испытывающий влечение к 15-летней девушке, демонстрирующей признаки полового созревания, или вступающий с ней в половой контакт, никак не может быть назван больным; однако ясно, что СМИ немедленно навесят ярлык «педофил» на этого мужчину. В сущности, создается впечатление, что само слово «педофил» чаще всего всплывает именно в тех ситуациях, когда речь идет о половых контактах между половозрелыми взрослыми людьми и подростками, которые явно отличаются от детей тем, что находятся в состоянии полового созревания. Попросту говоря, речь идет или о здоровой с медицинской точки зрения половой связи обычных

⁹ Не только в области сексологии, но и вообще в рамках медицинской практики понятие болезни (патологии) не имеет четкого общего определения. См, например, H. Merskey “Variable Meanings for the Definition of Disease”: “It is argued that there is no agreed definition of disease. Purely biological definitions are inadequate and combined biological and social definitions are not yet satisfactory”.

¹⁰ Г.Б. Дерягин «Педофилия» (авторская редакция 2011 г.)

¹¹ Смотри, например, R. Green “Is Pedophilia a Mental Disorder?”

здоровых людей, в частности о здоровом же предпочтении в форме эфебофилии. К педофилии все это не имеет никакого отношения вовсе.

Вообще же нет никаких четких границ между педофилом и не-педофилом; законодатель пытается сказать, что эта граница существует в форме «возраста согласия», однако, этот возраст варьирует очень сильно от страны к стране и от штата к штату, так что тот, кого в США СМИ окрестят педофилом и маньяком-извращенцем не привлечет к себе никакого внимания в Испании.¹² Что касается самого влечения, то оно не дискретно ни по каким значениям признаков своего объекта: существует бесконечное количество градаций, поэтому четко отделить – даже в медицинском, научном смысле – педофила от, скажем, эфебофила не представляется возможным.¹³

В связи с определением следует рассмотреть связь между педофилами (pedophiles) и теми, кто совершает те или иные педосексуальные действия (child molesters, child abusers).

Является ли лицо, совершившее *педосексуальные действия* педофилом, или нет – вопрос, который должен решаться в каждом отдельном случае. Можно быть педофилом, но не совершать никаких педосексуальных действий, можно совершать их и не быть педофилом, также как можно совершать некросексуальные действия, не являясь некрофилом, а можно являться некрофилом всю жизнь, но не совершать никаких некросексуальных действий. Исследования говорят об этом прямо: “Research on the assessment¹⁴ of pedophiles has undoubtedly been complicated by the fact that not all pedophiles are child molesters and not all child molesters are pedophiles.”¹⁵ Аналогично и в другой статье читаем: “Contrary to popular belief, not all sex offenders who target children are pedophiles, and not all pedophiles commit sexual offenses”.¹⁶ В общем виде это относится к любым сексуальным действиям извращенного характера: "Извращение полового влечения, как это видно будет из нижеследующего, не должно быть смешиваемо с извращенностью половых действий, так как последняя может быть обусловлена и не психопатологическими условиями. Конкретное извращенное действие, как бы чудовищно оно ни было, еще ничего не доказывает. Для того чтобы отличить болезнь (извращение) от порока (извращенность), нужно рассмотреть всю личность данного индивида и мотивы его извращенного действия: в этом именно и заключается ключ к диагностике".¹⁷ Множество педофилов и множество совершающих педосексуальные действия людей, таким образом, пересекаются лишь частично. Причин совершения педосексуальных действий не-педофилом может быть масса: алкогольная интоксикация, врожденный умственный дефект, пресыщение привычным сексуальным объектом и жажда разнообразия, замена привычного объекта ребенком в качестве хоть и малоценного, но

¹² Таким образом, сам запрет в форме возраста согласия – пример *mala prohibita*.

¹³ P. Jenkins “Beyond Tolerance: Child Pornography on the Internet”, P.25

¹⁴ Имеется в виду плетизмография (метод измерения тумесценции).

¹⁵ Fabian M. Saleh, Albert J. Grudzinskas, John M. Bradford, M.D., Daniel J. Brodsky “Sex Offenders: Identification, Risk Assessment, Treatment, and Legal Issues”

¹⁶ M.C. Steto “Pedophilia and sexual offending against children: Theory, assessment, and intervention” а также K.V. Lanning “Cyber “Pedophiles:” A Behavioral Perspective”

¹⁷ Р. Крафт-Эбинг «Половые психопатии»

субститута для удовлетворения¹⁸, месть родственнику ребенка¹⁹, удобная или побуждающая ситуация²⁰ и т.д. и т.п. "К сожалению, приходится сознаться, что немалая доля подобных преступлений, и притом как раз наиболее отвратительные из них, совершается не душевнобольными, а здоровыми людьми, забывающими свое человеческое достоинство под влиянием пресыщения естественными половыми сношениями, уродливого сладострастия, огрубения, а подчас и опьянения".²¹ «Насильственные преступления против сексуальной неприкосновенности детей чаще всего совершают не педофилы, а лица с преимущественно садистскими сексуальными потребностями: сексуальные садисты, сексуальные убийцы, а также просто фрустрирующие садисты, для которых обычно не важен ни возраст, ни пол жертвы, даже не важен биологический вид – человек или животное».²² Некоторые исследователи видят в сексуальном использовании детей проблему, куда большую, чем просто сексуальную, и рассматривают ее как проблему отношения и силы между взрослым и ребенком, видя в сексуальном аспекте нечто вторичное: "the perpetrator, in all likelihood, is sexually abusing the child in order to meet nonsexual needs".²³

В каждом отдельном случае следует выяснять мотивацию и медицинский статус лица, совершающего те или иные действия. Современная практика навешивания ярлыка «педофил» по поводу и без повода выглядит жесточайшей профанацией научной терминологии, логики и здравого смысла. В той или иной форме это отмечает большая часть исследователей.

Академические типизации педофилов обычно выделяют два основных типа: исключительная педофилия и неисклЮчительная. Исключительных педофилов возбуждают исключительно дети, в то время как неисклЮчительных также привлекают и половозрелые люди, однако их реакция на детей сильнее и влечение к детям превалирует.²⁴ Исследование 2429 педофилов показало, что только 7% из них характеризовались исключительной педофилией²⁵; остальные испытывали влечение также к половозрелым людям, хотя и менее сильное.

Если задаться вопросом, испытывают ли люди, которые не совершают педосексуальных действий и не являются педофилами, какое-нибудь влечение к обнаженным детям, то выясняется, что, например, примерно у 20-22% взрослых гетеросексуальных мужчин и 2.8-4% женщин обнаруживается определенная сексуальная реакция на маленьких детей.²⁶ Верно, что ее

¹⁸ K.V. Lanning "Cyber "Pedophiles:" A Behavioral Perspective"

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

²¹ Р. Краффт-Эбинг «Половые психопатии»

²² Г.Б. Дерягин «Педофилия» (в авторской редакции 2011 г.)

²³ S.M. Sgroi "Clinical Intervention in Child Sexual Abuse", Conceptual Framework

²⁴ Fabian M. Saleh, Albert J. Grudzinskas, John M. Bradford, M.D., Daniel J. Brodsky "Sex Offenders: Identification, Risk Assessment, Treatment, and Legal Issues" содержит неплохой обзор исследований на данную тему.

²⁵ G.G. Abel, N. Harlow "The Abel and Harlow child molestation prevention study. Excerpted from The Stop Child Molestation Book"

²⁶ Smiljanich, Kathy, Briere, John "Self-Reported Sexual Interest in Children: Sex Differences and Psychosocial Correlates in a University Sample"; J. Briere, M. Runtz "University males' sexual interest in children: Predicting potential indices of

сила убывает с возрастом ребенка, а также то, что она меньше силы реакции на взрослых людей. Приходится признать, что примерно каждый пятый взрослый мужчина и примерно три-четыре женщины из каждой сотни сексуально не равнодушны к детям; но у них влечение к ним не является превалирующим и обычно не приводит к совершению каких-то конкретных действий. Таким образом, при сравнительной редкости педофилов в медицинском смысле, а равно и педосексуальных действий, сам по себе сексуальный интерес к детям без соответствующих действий представлен довольно широко среди здоровых половозрелых людей. “Though pedophiles are often dismissed as a tiny, aberrant minority, their fascination with childhood sexual fantasies and experiences may be quite widely shared, though to a far milder degree”.²⁷

Что же касается влечения взрослых людей к подросткам, которые биологически уже не являются детьми, но считаются таковыми по закону, то нет никакой нужды отыскивать свидетельства огромному спросу на подростковую сексуальность: количество порнографии, посвященной имитации образа школьницы, девственницы, малышки и т.д. зашкаливает, и каждый потребитель порнографии сталкивается с этим буквально на каждом шагу.

Также следует помнить о том, что множество педофилов-насильников, а уже тем более сексуальных убийц детей, является очень малой частью что множества педофилов, что множества людей, совершающих педосексуальные действия. Ассоциировать педофила с насильником так же странно и неоправданно, как ассоциировать с насильником обычного взрослого гетеросексуально ориентированного мужчину.²⁸ В большинстве случаев педофилы не предпринимают насильственных действий, а преподносят свои действия в форме игры, без принуждения: «Чаще всего педофилы ограничиваются прикосновениями, ласками, шлепками по ягодицам, показом порнографических картинок или беседами на эротические темы». ²⁹ Это же констатируют другие исследователи.³⁰ Более точные данные дает Finkelhor: “The largest category of abuse in most studies involves groping or fondling of children’s bodies on top of or underneath the clothing. Only 16-29 percent of the abuse involves intercourse or attempted intercourse”.³¹ Нельзя отрицать насильственный характер действий определенного количества лиц, совершающих педосексуальные действия, вне зависимости от того, педофилы они или нет; однако неверно заведомо считать все педосексуальные действия насильственными, жестокими или принудительными.

“pedophilia” in a nonforensic sample”; M. Freel “Child Sexual Abuse and the Male Monopoly: An Empirical Exploration of Gender and a Sexual Interest in Children”.

²⁷ P. Jenkins “Beyond Tolerance: Child Pornography on the Internet”

²⁸ Расхожие и неверные определения педофилии и их использование вносят существенную путаницу в изучение проблемы, смешивая различные группы правонарушений, см. Ames, Houston “ Legal, social, and biological definitions of pedophilia ”

²⁹ Д. Еникеева «Сексуальные извращения»; также S.M. Sgroi “Clinical Intervention in Child Sexual Abuse”, A Conceptual Framework

³⁰ J.B. Murray “Psychological profile of pedophiles and child molesters”. J Psychol. 2000, A.K. Fuller “Child molestation and pedophilia: an overview for the physician”, L.J. Cohen, I.I. Galynker “Clinical features of pedophilia and implications for treatment”

³¹ David Finkelhor “Child Sexual Abuse”

Ассоциировать педофила исключительно с человеком мужского пола не оправданно, существует определенное количество женщин-педофилов и женщин, совершающих педосексуальные действия, как и женщин, характеризующихся эфебофилией. Среди выявленных людей, совершавших педосексуальные действия, женщины составляют не более 5% от общего числа случаев, где объектом выступала девочка, и около 20% случаев, где объектом выступал мальчик.³² Ассоциировать педофила с неким маньяком, скитающимся по улицам в поисках жертв также нет никаких оснований: «Чаще всего совратители детей являются их знакомыми, родственниками или даже членами семьи (например, отчим или сводный брат)».³³ Другие авторы также отмечают это.

Что касается множества людей, совершающих педосексуальные действия, то многие из них никак не могут подпасть под определение педофила, т.к. им еще нет 16 лет и/или не выполняется критерий пяти лет разницы в возрасте. Из всех педосексуальных действий, совершаемых с детьми до 12 лет, около 40% совершаются *подростками*; чаще всего это делают лица в возрасте около 14 лет.³⁴ Таким образом, неверно всегда ассоциировать лицо, совершающее педосексуальные действия, с взрослым человеком.

Замечательный обзор результатов научных исследований педофилов и педосексуальных действий дан в работе C.W. Ryan, R.C.W. Hall “A Profile of Pedophilia: Definition, Characteristics of Offenders, Recidivism, Treatment Outcomes, and Forensic Issues”, содержащем ссылки на 117 других статей и монографий.

Теперь рассмотрим приведенные выше тезисы, активно поддерживаемые симпатизирующими борьбе с педофилией и детской порнографией людьми. Относительно каждой идеи попробуем установить, имеет ли она свидетельства в свою пользу и насколько она лежит в согласии с научными данными.

- 1) Сколько мы можем судить, борющиеся с педофилами не предоставляют никаких непротиворечивых и убедительных академических свидетельств в пользу идеи о том, что педофилов в медицинском смысле стало больше за последние десятилетия; единственное, что они предоставляют, так это статистику, свидетельствующую об увеличивающемся количестве выявленных педосексуальных действий и о количестве *осужденных* по различным статьям о педофилии и детской порнографии и, следовательно, пытаются сказать, что возросло количество педосексуальных действий (насильственных или ненасильственных, обычно называемых растлением). Однако сразу ясно, что даже если реально растет количество педосексуальных действий, это еще *per se* ничего не сообщает об изменении количества педофилов (это ясно в свете

³² David Finkelhor “Child Sexual Abuse”

³³ Д. Еникеева «Сексуальные извращения»; также S.M. Sgroi “Clinical Intervention in Child Sexual Abuse”, A Conceptual Framework

³⁴ H.N. Snyder “Sexual Assault of Young Children as Reported to Law Enforcement: Victim, Incident, and Offender Characteristics”. Washington, DC: US Department of Justice, Bureau of Justice Statistics; 2000. Publication NCJ 182990

выше приведенного обсуждения определения педофилии). Еще более существенно то, что год от года постоянно меняется законодательство (особенно в западных странах), а также критерии в рамках создаваемых прецедентов, поэтому статистика относительно числа осужденных от года к году становится не сопоставимой и нуждается, чтобы вообще сохранить какую-то силу, в соответствующих поправках, о которых, конечно, не идет речи. СМИ и правоохранительные органы констатируют увеличение контингента тюрем в связи с деятельностью по борьбе с педофилами и детской порнографией; о реальном количестве педосексуальных действий или педофилов это мало что сообщает. В научном отношении идея о том, что количество педофилов выросло во много раз, выглядит не менее экстравагантной, чем идея о том, что количество некрофетишистов или апотемнофилов выросло в разы. Бремя предоставления свидетельств в пользу подобных высказываний возлежит всецело на утверждающих это – как и во всех остальных случаях, в согласии с принципами логики и научного познания. Крайне резкое увеличение случаев *child sexual abuse* в США в начале 1980-х годов, о котором часто говорят, очень вероятно, показывает лишь, что выросла та *часть*, вероятно, не меняющегося от времени количества педосексуальных действий, которая попала в *поле зрения*, т.к. этими вещами заинтересовались.³⁵ Сама доля педосексуальных действий от общего числа вообще всяких сексуальных действий, скорее всего, не меняется существенно со временем. С повышением интереса к этой теме в начале 1980-х годов просто *большая часть* этой доли стала попадать в поле зрения правоохранительных органов. Одно из исследований прямо обнаруживает, что частота (*prevalence*) педосексуальных действий не изменилась с 1960-х годов.³⁶ Автор также замечает, что оценки количества этих действий могут очень сильно различаться в зависимости от определений и методов. Педосексуальные действия, также как и педофилы, обнаруживаются на протяжении всей человеческой истории. Об этом свидетельствуют многочисленные факты из истории, в частности истории порнографии³⁷, а также и из медицинских и прочих источников.³⁸

Обсуждая проблему оценок истинных масштабов изучаемых явлений, S.D. Peters, G.E. Wyatt и D. Finkelhor констатируют факт ужасной путаницы и противоречивости в оценках и статистике в 1980-х годах, на которые пришелся первый расцвет общественного внимания к этой теме.³⁹ Надо отдать должное данной группе авторов: они со всей академической добросовестностью проделали очень тщательную работу, создав крайне неплохой обзор имевшихся на 1985 год оценок масштабов проблемы и, что много важнее, обрисовав методологические проблемы, с ними связанные. Современные исследование в основном посвящены попыткам оценки частоты

³⁵ David Finkelhor “Child Sexual Abuse”

³⁶ N. McConaghy “Paedophilia: a review of the evidence”

³⁷ Addams “A New Conscience and an Ancient Evil”; H. Hyde “A History of Pornography”; D. Pivar “Purity Crusade, Sexual Morality and Social Control”.

³⁸ Смотри, например, Ш. Ференци «Путаница языков взрослых и ребенка»

³⁹ D. Finkelhor, S. Araki “A Sourcebook on Child Sexual Abuse”, Chapter I Prevalence

педосексуальных действий, т.к. оценить собственно количество педофилов едва ли представляется возможным в силу самых разных причин (начиная с того, что они не всегда предпринимают какие-либо действия).⁴⁰ Что касается современных данных о количестве педосексуальных действий, то согласно одним оценкам, около 32% женщин и 15.6% процентов мужчин вспоминают о каком-либо “unwanted sexual contact”, имевшем место до того, как им исполнилось 17 лет.⁴¹ Из исследованных женщин, 6.8% подвергались действиям, продолжавшимся более недели.⁴² По другим данным, 17-31% женщин и 7-16% мужчин испытали подобное в возрасте до 18 лет.⁴³ Схожие оценки предлагает ВОЗ.⁴⁴

Подводя итог в данной секции, приходится констатировать следующее:

- a) оценить количество педофилов едва ли вообще представляется возможным в силу того, что в поле зрения попадают люди, совершающие те или иные действия, а не характеризующиеся тем или иным влечением;
- b) оценить количество педосексуальных действий и сексуальных действий, совершаемых с подростками, также тяжело, т.к. правовые определения ребенка, смешивающие подростков и детей, препятствуют разделению педосексуальных и эфебофильных действий;
- c) при сравнительно большой установленной частоте педосексуальных действий и сексуальных действий с подростками, тяжело установить *долю вредных и травматичных* действий среди них⁴⁵ в силу целого ряда причин: разнообразие мотивов и категорий лиц, совершающих подобные действия (среди которых есть и сами подростки), степень принуждения, степень насильственности, характер самих этих действий, их длительность и вероятность возобновления и т.д.;
- d) невозможно однозначно судить об изменении количества педофилов как и количества педосексуальных действий или сексуальных действий с подростками с течением времени; идея о том, что количество этих вещей сильно возросло, не находит однозначных достаточных академических свидетельств и сопряжена с едва ли преодолимыми методологическими трудностями; есть основания полагать, что количество педофилов и педосексуальных действий очень мало изменилось за последние полвека.

⁴⁰ R. Blanchard, M.S. Watson. A. Choy “Pedophiles: mental retardation, maternal age, and sexual orientation”

⁴¹ Bagley C. “The prevalence and mental health sequels of child sexual abuse in a community sample of women aged 18 to 27”

⁴² Ibid.

⁴³ N. McConaghy “Paedophilia: a review of the evidence”, C.F. Johnson “Child sexual abuse”

⁴⁴ <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs150/en/>

⁴⁵ См. следующую секцию.

- 2) Само понятие психической травмы очень размыто. Часто, по-видимому, слово «травма» используется фигурально или в каком-то другом смысле: имеется в виду, что ребенок приобретает различные психические проблемы в результате педосексуальных действий. Эта идея имеет многочисленные клинические подтверждения, список перечисляемых симптомов часто крайне широк. Некоторый недостаток ощущается в конкретных исследованиях статистически репрезентативных групп детей, участвовавших в педосексуальных сношениях, на предмет отдельных симптомов, которые проявляются в долгосрочной перспективе.

Spataro и Mullen демонстрируют корреляцию между педосексуальными действиями и последующей высокой частотой (в сравнении с не имевшими подобного сексуального опыта) психических расстройств.⁴⁶ Большая часть исследований 1980-х годов сходится в том, что причиняемый психике ребенка вред ярче всего выражен в случаях с насильственными, принудительными действиями, а также при инцестуозных педосексуальных отношениях с участием отца или отчима.⁴⁷ Однако авторы одной из статей 1989 года, обсуждающей имевшиеся на тот момент исследования и их методологические проблемы, замечают: “The high prevalence of marital breakdown and psychopathology among parents of children who are sexually abused makes it difficult to determine the specific impact of sexual abuse over and above the effects of a disturbed home environment. Given the broad range of outcome among sexual abuse victims, as well as the methodological weaknesses present in many of the studies reviewed, it is not possible at this time to postulate the existence of a “post-sexual-abuse-syndrome” with a specific course or outcome”.⁴⁸

С появлением в 1990-х более детальных исследований, мнение академического сообщества изменилось. Крупное метааналитическое исследование 1998 года⁴⁹, выполненное Rind и Tromovitch (APA), пришло к заключениям, находившемся в остром противоречии с уже сложившимся к тому моменту общественным восприятием проблемы. Это исследование было в известной степени спровоцировано драконовским законодательством в США (CPPA of 1996), а когда оно вышло, то американский Конгресс специально собрался для того, чтобы подвергнуть его авторов остракизму и объяснить, почему они не могут быть правы (!).⁵⁰ В аннотации читаем: “Meta-analyses revealed that students with CSA⁵¹ were, on average, slightly less well adjusted than controls.

⁴⁶J. Spataro, P. Mullen “Impact of child sexual abuse on mental health. Prospective study on males and females”

⁴⁷ См. Например Joseph H. Beitchman Corresponding Author Contact Information, Kenneth J. Zucker, Jane E. Hood, Granville A. DaCosta, Donna Akman, Erika Cassavia “A review of the long-term effects of child sexual abuse”

⁴⁸ Joseph H. Beitchman Corresponding Author Contact Information, Kenneth J. Zucker, Jane E. Hood, Granville A. daCosta, Donna Akman “A review of the short-term effects of child sexual abuse”

⁴⁹ Bruce Rind, Philip Tromovitch “A meta-analytic examination of assumed properties of child sexual abuse using college samples”

⁵⁰ H. Wakefield “The Effects of Child Sexual Abuse: Truth Versus Political Correctness”.

⁵¹ Имеется в виду Child Sexual Abuse

However, this poorer adjustment could not be attributed to CSA because family environment (FE) was consistently confounded with CSA, *FE explained considerably more adjustment variance than CSA, and CSA-adjustment relations generally became nonsignificant when studies controlled for FE* (курсив мой). Self-reported reactions to and effects from CSA indicated that negative effects were neither pervasive nor typically intense, and that men reacted much less negatively than women. The college data were completely consistent with data from national samples. Basic beliefs about CSA in the general population were not supported”. Исследование этих же авторов за 1997 год отмечает, что у 11% девочек и 37% мальчиков изначальная реакция на педосексуальные действия была положительной.⁵²

Авторы статьи за 1993 год заключают: “Some symptoms were specific to certain ages, and approximately one-third of victims had no symptoms. Penetration, the duration and frequency of the abuse, force, the relationship of the perpetrator to the child, and maternal support affected the degree of symptomatology. About two-thirds of the victimized children showed recovery during the 1st 12–28 mo. The findings suggest the absence of any specific syndrome in children who have been sexually abused and no single traumatizing process”.⁵³

Наконец, исследование 2001 года сообщает: “Although victims typically suffer from sexual abuse, surprisingly, some evidence suggests that victims of sexual abuse can exhibit neutral or even positive outcomes, a controversial finding that has numerous possible explanations.”⁵⁴ Исследование 1998 года обнаруживает, что большинство часть мальчиков допубертатного возраста не расценивает педосексуальные действия, совершенные с ними женщинами, как негативные или как злоупотребление ими: “most boys do not consider their prepubertal experiences with older women abusive”.⁵⁵

Тем не менее, нельзя сбрасывать со счетов некоторый набор установленных корреляций педосексуальных действий с впоследствии обнаруживаемыми расстройствами разного рода. Однако наличие других потенциальных объяснений этих последних явлений, а также методологические трудности препятствуют уверенным суждениям о причинно-следственной связи. Суждения *post hoc ergo propter hoc* не выдерживают никакой критики, т.к. являются разновидностью логической ошибки.

Как видно из приведенных научных работ, вопрос о долгосрочных последствиях педосексуальных сношений для психики детей оказался остро политическим, а мнение академического сообщества изменилось с полного отрицания каких бы то ни было

⁵² Bauserman, R., & Rind, B. “Psychological correlates of male child and adolescent sexual experiences with adults: A review of the nonclinical literature”.

⁵³ Kendall-Tackett, Kathleen A., Williams, Linda M., Finkelhor, David “Impact of sexual abuse on children: A review and synthesis of recent empirical studies”

⁵⁴ D.S. Bromberg, B.T. Johnson “Sexual interest in children, child sexual abuse, and psychological sequelae for children”

⁵⁵ N. McConaghy “Paedophilia: a review of the evidence”

положительных влияний педосексуальных действий на детей (Sgroi⁵⁶) до существенных сомнений в том, причиняют ли они вообще *всегда* заметный вред; даже если вред после педосексуальных действий наличествует, то не ясно, в какой степени он *причинно обусловлен* педосексуальными действиями, а не прочими семейными обстоятельствами или другими факторами. Любому добросовестному исследователю известно, как сложно перейти от констатации корреляции к суждению о причинности, и, конечно, корреляция во времени сама по себе о причинности никогда ничего сообщает. Отдельные исследования не обнаружили никаких отрицательных воздействий у изрядной доли изученных детей, а некоторые описывают случаи оценки самими детьми педосексуальных действий, как имевших положительный эффект.⁵⁷

Обыватель и борцы с педофилами же с поразительным упорством стоят – безо всяких научных исследований – за то, что любые педосексуальные действия для них *должны* иметь необратимые психические последствия. Если вдуматься в это, то сама эта идея предстает крайне странной. Люди очень разнятся друг от друга по своим личным особенностям и реакциям на те или иные стимулы, также как сами стимулы эти и потенциально или фактически травматические ситуации характеризуются большим разнообразием. Поэтому ясно, что то, какой именно эффект произведет то или иное переживание или событие на каждого отдельного человека, уникально в каждом отдельном случае. Было бы крайне странно за всех переживших железнодорожную катастрофу людей априори решать, что они будут этим ужасно травмированы: кто-то переживет это, а кто-то не сядет больше никогда в поезд. Также было бы странно относительно всех найденных мертвых людей априори подразумевать, что причина смерти во всех этих случаях – асфиксия, а смерть наступила по умолчанию 13 часов назад. Однако борцам с педофилией кажется совершенно нормальным за всех детей и применительно ко всем педосексуальным действиям априори разуместь, что дети заработают некую страшную гомогенную «травму», конкретные проявления которой они по каким-то причинам не любят в деталях описывать.⁵⁸

И, тем не менее, идея о том, что педосексуальные действия в принципе не могут пройти без необратимых жестоких последствий, очень прочно укоренилась в общественном сознании. Альфред Кинси, автор знаменитых монографий по человеческой сексуальности, был подвергнут остракизму как аморальный, чуть ли не демонический субъект. Хотя, по всей видимости, и не главной, но одной из причин было то, что согласно его исследованиям, многие подвергшиеся педосексуальным действиям

⁵⁶ S.M. Sgroi “Clinical Intervention in Child Sexual Abuse”, A Conceptual Framework

⁵⁷ Berliner & Conte, 1993; Beitchman, et al, 1991, 1992; Dolezal, & Carballo-Dieguez, 2002; Finkelhor, 1990; Friedrich, Whiteside, & Talley, 2004; Levitt & Pinnell, 1995; Parker & Parker, 1991; Pope & Hudson, 1992; Runtz, 2002; Stander, Olson, & Merrill, 2002

⁵⁸ Даже авторы 1980-х отмечали отсутствие какой-то единой симптоматической картины или четкого прослеживающегося травматического процесса.

мальчики не имели никаких тяжелых психических проблем вследствие этого.⁵⁹ Такому же осуждению и беспочвенным обвинениям подвергаются и ныне люди, которые осмеливаются беспристрастно подходить к исследованию проблемы (подробнее о проявлениях общественной моральной паники речь пойдет ниже).

Отвлекаясь от академических исследований и обращаясь к конкретной судебной практике, следовало бы вести себя также последовательно и аккуратно. В *каждом* отдельном случае требуется проводить судебно-медицинскую экспертизу с целью установления того, был ли причинен вред психический, вред физический, и если да, то *в каком масштабе*. Точно также мы в случае каждого обнаруженного трупа проводим аутопсию с целью выяснения причины и времени смерти. Любые отступления от этого при полном игнорировании научных опытных данных и принятых в медицине практик выглядят не просто поразительным воинствующим невежеством, но и, по сути, нарушением презумпции невиновности – ведь любые действия, что поглаживания, что поцелуи, уже по умолчанию наносят «травму» не меньшую, как нам втолковывают, чем изнасилования с особой жестокостью.

Наконец, крайне важно остановиться еще на одном пункте. Вопрос, который требует решения, когда речь идет о педофилии и травме от педосексуальных действий, и который немедленно возникает в голове, следующий: в какой мере педосексуальные действия *per se* травматичны, а в какой степени травму создает *общественное отношение* к подобному факту биографии, когда ребенок знакомится с этим отношением?⁶⁰ Невозможно переоценить важность этого вопроса. К сожалению, мне не попалось научных исследований, которые пытались бы отделить влияние педосексуальных действий как таковых от влияния общественного отношения к ним. Отношение это, надо сказать, не самое лучшее. Эта ситуация напоминает ситуацию с просмотром детьми порнографии. Порою, сама порнография не причиняет какого-то вреда, однако, когда потом моралист-воспитатель выясняет, что ребенок его видел, он внушает ему чувство вины, всячески давая понять, что ребенок созерцал что-то ужасное. А внушив это чувство вины и прочие неприятные переживания, моралист часто утверждает, что эту «травму» создала порнография сама по себе, а вовсе не моралистское отношение к факту ее просмотра. С педосексуальными действиями и самосознанием и самооценкой людей, которые участвовали в педосексуальных действиях, имеется ровно эта же проблема. В свете выше предложенного обсуждения вопроса о патологичности педофилии, а также в свете научных данных о последствиях педосексуальных действий для детской психики, совсем небезосновательной выглядит гипотеза о том, что *сами по себе* педосексуальные действия как таковые причиняют ребенку часто куда меньший психологический вред, чем моралисты, общественное мнение и борцы с педофилами, которые *ex post* внушают ребенку, что с ним произошло

⁵⁹ H. Wakefield “The Effects of Child Sexual Abuse: Truth Versus Political Correctness”

⁶⁰ C. Crosson-Tower “Understanding child Abuse and Neglect”

что-то ужасное, и он *должен ощущать себя жертвой, даже если до этого он себя таковой не ощущал*. Антропологические данные свидетельствуют, что даже инцестуозные педосексуальные действия в рамках определенных человеческих обществ являются культурной нормой и, сколько мы вообще можем судить, не порождают страшных шрамов на детской психике – также как публичная детская нагота, публичные гомосексуальные сношения и т.д. Поэтому самая общая модель постановки проблемы исследования последствий педосексуальных действий должна быть *кросскультурной*. Подобно тому, как академическое сообщество давно занялось кросскультурным сравнением типичных детских страхов, оно могло бы заняться исследованиями влияния педосексуальных действий на психику детей одновременно в разных цивилизационных контекстах с тем чтобы, наконец, изолировать влияние педосексуальных действий *per se* от влияния на психику их общественного восприятия как факта биографии.

В сущности же следует отметить, что общественное отношение и моральные установки, стыд и чувство вины очень сильно препятствуют нормальному научному изучению педосексуальных действий. Исследователь не может не замечать этого: “Sexual abuse is an extremely difficult problem to study. Because of the shame and stigma that surround it, victims, offenders, and their families are not eager and cooperative research subjects. Ethical dilemmas hamper and complicate many direct and simple approaches to answering important questions”.⁶¹ В этом отношении, моралист никак не решает проблему, но только усугубляет ее, всячески обременяя здоровую познавательную инициативу этическими дилеммами.

- 3) Также как и сам термин «педофил», «детская порнография» является крайне вольготно трактуемым термином. Не требуется вспоминать всю проблематичность вообще любых правовых определений порнографии и прояснений ее статуса; в случае с детской порнографией ситуация очевидно усугубляется определением слова «детская».

Также как и о педофилах, о детской порнографии широкая общественность ничего не слышала и не знала до конца 1970-х годов. С момента появления первых законов о детской порнографии в США в конце 70-х, подобные законы появились во многих других странах мира и претерпели очень нетривиальную эволюцию. Детской порнографией суды США признавали весь спектр мыслимых и немыслимых вещей: от видео изнасилований детей (что вполне разумно) до фотографий одетых детей и карандашных или компьютерных рисунков, в том числе с персонажами мультфильмов (которые, напомним, не являются субъектами права, т.к. не являются реальными личностями). Вообще те изображения взрослых людей, которые большинство людей сочтет эротическими, а не порнографическими, в случае с детьми и подростками (которые, хоть биологически и не дети, но «дети» по закону в силу «возраста согласия») все равно всегда объявляются порнографическими. Термин «детская эротика» услышать

⁶¹ D. Finkelhor, S. Araki “A Sourcebook on Child Sexual Abuse”

практически невозможно. Подробная история развития законов о детской порнографии и всех сопряженных с ними и крайне экстравагантных правовых практик подробно описана в одной из академических статей, посвященных данной теме.⁶² Приводимые автором примеры процессов и решений суда демонстрируют очень странную тенденцию: в отличие от обычного *сужения* определений в рамках создания прецедентов (что всегда было характерно для американской правовой практики), в случае с детской порнографией имеет место прямо обратное: с течением времени судьи все шире и шире толкуют детскую порнографию, признавая таковой практически все, что угодно. В 1993 году (*United States v. Knox*) суд признал детской порнографией видеозаписи с участием одетых детей.⁶³

В 1996 году в США был принят закон, озаглавленный *Child Pornography Prevention Act* (СРРА). Согласно ему, детской порнографией признавались даже материалы (например, рисунки), которые не запечатлевали никаких реальных детей или подростков⁶⁴, т.к. не являлись видео- или фотоматериалами. Тем не менее, они признавались детской порнографией, несмотря на тот факт, что при их производстве не использовались (и уж точно не страдали) дети или подростки. Этот закон вызвал череду скандалов, а его конституциональность была подвергнута сомнению. Спустя 6 лет разбирательств, Верховный Суд США уничтожил этот закон как неконституциональный, и забавные порнографические картинки, например, с принцессой Айлонви из диснеевского мультфильма 1985 года перестали считаться детской порнографией. На протяжении периода с 1996 по 2002 год человек, у которого подобные картинки были обнаружены, имел все шансы сесть в тюрьму как преступник, а государство (в конечном счете, налогоплательщики) оплачивало бы содержание его там.

В Германии же симулированная (виртуальная) детская порнография в настоящий момент незаконна, и ее хранение может окончиться для человека пятью годами тюрьмы.⁶⁵ В Австралии порнографические изображения с Бартом и Лизой Симпсонами были признаны детской порнографией.⁶⁶ Судья заметил, что “the fact they were not realistic representations of human beings did not mean that they could not be considered people”.⁶⁷ В ЮАР обладателя подобной картинки, также классифицируемой как детская порнография, ожидает *минимум* 10 лет тюрьмы.⁶⁸ В Канаде под определение детской порнографии подпадет также текстовое описание секса Барта с Лизой.⁶⁹ Оно рассматривается также как видеозаписи сексуальных истязаний, его хранение или

⁶² A. Adler “The Perverse Law of Child Pornography”

⁶³ Jenkins, P. (2001). “Beyond Tolerance: Child Pornography on the Internet”

⁶⁴ Это обычно называется *simulated child pornography* (SCP) («симулированная детская порнография») или *virtual child pornography* (VCP) («виртуальная детская порнография»).

⁶⁵ C. Johnson “Brave new world or virtual pedophile paradise? Second Life falls foul of law”

⁶⁶ <http://www.metro.co.uk/news/436091-fake-simpsons-cartoon-is-child-porn>

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Films and Publications Amendment Bill (2003)

⁶⁹ Criminal Code of Canada // <http://www.efc.ca/pages/law/cc/cc.163.1.html>

производство влечет сходные последствия. Хранение детской порнографии не предусматривает ее сохранения на компьютер: хранением считается даже просмотр материала в сети.⁷⁰

Эти факты как нельзя лучше показывают всю странность и широту определений детской порнографии в разных странах. Во многих случаях сами законодатели и судьи не могут разобраться, отдавать ли им предпочтение критериям сексуальности или непристойности (*obscenity*) при решении вопроса о том, является ли что-то детской порнографией или нет.⁷¹ Исследователи отмечают, что вместо изменения законов в сторону их большей конкретности и более точных определений, имеют место нарочитые и бесполезные обсуждения того, как надлежит *интерпретировать* имеющиеся законы, что приводит к их практической бесполезности.⁷²

Детская порнография имеет долгую историю. Ее появление в интернете знаменует лишь последнюю фазу этой истории.⁷³ Фотоматериалы с обнаженными детьми активно производились в викторианскую эпоху и на протяжении 20 века⁷⁴, когда к ним прибавились также киноматериалы.⁷⁵ Порнографическая литература⁷⁶ не отставала, а равно и гравюры и вообще изобразительное искусство.⁷⁷ С легализацией порнографии в большей части цивилизованных стран в самом конце 1960-х – начале 1970-х, в 70-е возник новый виток в производстве того, что сейчас обычно называется детским порно. Из художественных фильмов можно вспомнить драму «Распутное детство» (1977) (ныне запрещен как порнографический), а из коммерческой порнографии – серию выпусков “Teenage Sex” от студии Color Climax, в которых участвовали подростки, которые ныне в большей части стран в правовом отношении были бы названы детьми (многие выпуски ныне также ретроспективно признаны детской порнографией и запрещены). С принятием первых законов о детской порнографии в конце 1970-х в США производство подобных видеоматериалов (имевшее место преимущественно в Скандинавии) начало исчезать. Подростковая порнография не привлекала к себе никакого внимания в 70-е и не провоцировала никакого осуждения; эти явления обнаруживаются с 1980-х годов и продолжают и поныне. Что касается порнографии с участием детей допубертатного возраста, то о ее количестве и динамике этого количества довольно трудно судить. Здесь возникает та же проблема, что и с оценкой количества педофилов и педосексуальных

⁷⁰ R. Wortley, S. Smallbone “Child Pornography on the Internet”, US Department of Justice, Problem-Specific Guide Series, No.41

⁷¹ M. Taylor, E. Quayle “Child Pornography: An Internet Crime”

⁷² L.N. Strayer “Ambiguous Laws Do Little to Erase ‘Kiddie Porn’”

⁷³ P. Jenkins “Beyond Tolerance: Child Pornography on the Internet”, P.23; R. Wortley, S. Smallbone “Child Pornography on the Internet”, US Department of Justice, Problem-Specific Guide Series, No.41

⁷⁴ Baron Wilhelm Von Gloeden “Taormina”

⁷⁵ Первый порнографический фильм с детьми (*Preteen Slut: The Motion Picture*) был выпущен в 1915 году.

⁷⁶ Достаточно указать 11-томный (!) порнобестселлер “My Secret Life” (около 1888 года), описывающий, помимо всего прочего, педосексуальные сношения.

⁷⁷ Можно обратиться к гравюрам Martin’a Von Maele (1863–1926), в частности серии *La Grande Danse Macabre de Vifs*, также работам художников Franz von Bayros (1866–1924) и Luc Lafnet (1899–1939).

действий: нельзя наверняка знать, в том ли дело, что детской порнографии стало реально больше производиться, или в том, что – притом, что ее количество могло остаться, например, и неизменным – *большая часть* этого количества попала в поле зрения правоохранительных органов с повышением внимания к этой теме. Некоторые же авторы указывают, что производство детской порнографии фактически прекратилось в 1978 с принятием первых законов, а истории об увеличении ее количества в 1980-х являются плодом социальной паники.⁷⁸ С другой стороны, с появлением интернета большая часть исследователей утверждает, что ее количество растет.⁷⁹ При этом акцент в изучении проблемы почти полностью смещается в сторону рассмотрения ее в контексте возможностей, предоставляемых компьютерами и новыми средствами коммуникации: “These communications media have markedly facilitated the production, reproduction, and dissemination of child pornography as well as the concealment of this activity from law enforcement”.⁸⁰ Однако исследование 2002 года говорит о недостатке данных и малой изученности проблемы оценки масштабов производства детской порнографии.⁸¹

Нет необходимости снова подробно останавливаться на том, что постоянные изменения законодательных определений вредят сопоставимости статистических данных за разные периоды. Особенно проблема определений оказывается трудна в случае с оценками количества детской порнографии в интернете: “This is a particular problem in relation to the Internet, where cultural, moral, and legal variations make it difficult to define “pornographic” in such a global society”.⁸²

Подводя итог, необходимо сказать, что, как и в случае с оценками количества педофилов и педосексуальных действий, невозможно сделать никаких категоричных однозначных выводов. Неакадемические публикации пестрят астрономическими темпами роста при фактически полном отсутствии обсуждения определений и методов оценки; академические публикации более умеренны в приводимых цифрах, несколько противоречивы и идентифицируют ряд методологических проблем. Почти все эти публикации ныне в большей степени посвящены оценке масштабов проблемы в интернете. Помимо изменяющихся и сильно варьирующих определений детской порнографии, мешают однозначности выводов такие вопросы, как «стало ли больше в интернете новой порнографии, или увеличивается количество передач и копий уже имеющейся?» и «следует ли считать увеличением количества порнографии ситуацию, при которой не существовавшее в интернете нецифровое детское порно было оцифровано и загружено в интернет?». Ведь до появления интернета оценить

⁷⁸ L.A. Stanley “The Child Porn Myth”

⁷⁹ R. Wortley, S. Smallbone “Child Pornography on the Internet”, US Department of Justice, Problem-Specific Guide Series, No.41

⁸⁰ A. Grant, F. David, P. Grabovsky “Child Pornography in the Digital Age”, 1997

⁸¹ R.L. Pierce “Child pornography: A hidden dimension of child abuse”

⁸² Quayle, Taylor, Holland “Child Pornography: The Internet and Offending”

количество детской порнографии, имевшей очень узкие каналы распространения, представляется совсем затруднительным. Кроме того, фильмы, подобные снятым студией Colog Climax и *ретроспективно* признанные детской порнографией, с возникновением интернета были туда загружены, а ныне передаются и распространяются, скорее всего, во все большем масштабе просто за счет интереса к ним как к «винтажным» (это касается огромного количества других эротических и порноматериалов) и развития P2P-сетей. Поэтому с методологической точки зрения, корректнее было бы фокусировать свое внимание на том, сколько новой, *недавно* произведенной детской порнографии появляется. Упущение из виду этого момента запросто приводит к смешению изучения роста интернета и данных в нем вообще и изучению возникновения новых материалов безотносительно того, попадают они туда или нет.

Что касается оценки масштабов *рынка* детской порнографии, то за неимением каких бы то ни было точных или даже приблизительных академических данных я воздержусь от любых оценок. Неакадемические публикации проводят идею о том, что детская порнография – самая быстро растущая отрасль бизнеса в сети и имеет многомиллиардные обороты.⁸³ Академических данных на этот счет обнаружить практически невозможно. За неимением средств к суждению, я оставляю вопрос о том, так это или нет, открытым. Тут, однако, хочется заметить, что в сети почти никто никогда не платит за доступ к порнографии. Так как почти все передачи ее от одного пользователя к другому осуществляются на бесплатной основе (как и передачи практически любых других материалов), то оценка количества передач детской порнографии едва ли может служить хорошим приближением количества первичных распространений (бесплатных или платных).

Обыватель не задумывается о проблемах определения и методологии, поэтому большинство людей верит, что количество детской порнографии в сети резко увеличивается день ото дня и что достать ее можно чуть ни каждом втором сайте.⁸⁴ Вероятно, в какой-то степени причина этого заблуждения в большом количестве сайтов, которые обещают детскую или подростковую порнографию, однако, предоставляют материалы со взрослыми людьми: “Virtually all the so-called Lolita sites that are easily discovered on the Internet do, in fact, involve much older women”.⁸⁵ В реальности же истории о повсеместно легкодоступной детской порнографии в интернете примерно также правдоподобны, как истории о покупке оружейного плутония или героина в супермаркете. Исследователи подчеркивают скрытность распространителей и трудность

⁸³ Смотри, например, J. Climaco “‘Kiddie Porn’: More Than You Think It Is”

⁸⁴ Подобные же идеи прослеживаются и у некоторых правоведов. См., например, A. Rogers “Child Pornography’s Forgotten Victims”

⁸⁵ P. Jenkins “Beyond Tolerance: Child Pornography on the Internet”

обнаружения детской порнографии в интернете.⁸⁶ Она оказывается крайне редкой на общедоступных ресурсах в сети.⁸⁷ Из всех видов порнографии в сети, тяжелее всего наткнуться именно на детскую. Даже порнография с трупами и фотоматериалы эксгумаций являются более доступными (из-за большей аудитории ресурса www.rotten.com).

- 4) Зададимся вопросом о том, почему вообще детская порнография запрещается? Обычно на этот вопрос (отнюдь не праздный и совершенно не тривиальный) дается несколько ответов, которые касаются отдельно производства и хранения, использования и распространения подобных материалов. Рассмотрим эти ответы последовательно:

А) Утверждается, что при производстве детской порнографии страдают дети и подростки («дети» в правовом отношении), которые в них участвуют.

Это суждение само по себе нуждается в академической проверке, которой, кажется, еще никто не предпринял. Тут, однако, как и в случае с любыми педосексуальными действиями, следует воздержаться от каких бы то ни было разумений по умолчанию. В данном случае применимо все то, что обсуждалось выше относительно вообще вреда педосексуальных действий (перед камерой они происходят или нет). К этому прибавится обсуждение того, наносится ли детям вред при производстве детской эротики (которую неразборчивый обыватель и прокурор неизменно тоже именуют порнографией) или нет. Этот вопрос я оставляю открытым как также нуждающийся в академическом внимании. В общем и целом, тут приходится также предполагать, что для одних детей последствия будут отрицательны, для других они вообще могут отсутствовать. Степень принуждения и частота каждого элемента всего спектра педосексуальных действий в детской порнографии нуждаются в отдельном скрупулезном изучении. Без этих данных, мы не можем уверенно судить о том, что *по факту содержит* детское порно (доступное очень узкому кругу работников правоохранительных органов). Насколько часто в нем представлено собственно половое сношение, а насколько часто ласки без попыток коитуса? В зависимости от ответа на этот и подобные ответы мы и должны строить свое отношение к детской порнографии – *при условии*, что мы уже знаем, какие педосексуальные действия какими последствиями характеризуются. В этой связи можно привести одно исследование 2007 года⁸⁸, авторы которого изучили состав порнографических материалов, изъятых у владельцев. В 44% случаев самыми жесткими оказывались изображения обнаженных или просто позирующих детей; в 7% - изображение сексуальной активности между детьми; в 7% - изображения сексуальной активности между взрослыми и ребенком без собственно коитуса; в 37% - собственно коитус между взрослым и ребенком; в 5% - садистические

⁸⁶ B.H. Schell, M.V. Martin, P.C.K. Hung, L. Rueda “Cyber child pornography: A review paper of the social and legal issues and remedies—and a proposed technological solution”

⁸⁷ Forde and Patterson (1998); Jenkins (2001); Lesce (1999)

⁸⁸ Claire Milner, Ian O'Donnel “Child Pornography: Crime, Computers and Society”

или зоопедосексуальные действия. Как видно из приведенных данных, было бы неверно полагать, будто материалы, именуемые детской порнографией, всегда содержат сцены насилия или даже полового акта. В силу этого факта, в рамках правовой практики возникли различные шкалы оценки жесткости детской порнографии и эротики: шкала COPINE (1997, 10 градаций от “indicative” до “sadistic/bestiality”) и шкала SAP (2002, 5 градаций от “Nudity or erotic posing with no sexual activity” до “Sadism or bestiality”). Примечательно, что в рамках первой шкалы даже самые невинные, а также легальные нудистские фотографии, тем не менее, получают статус abuse images. Большая часть детей, фигурирующих в детской порнографии, не были для этого похищены или силой принуждены к участию.⁸⁹

Что касается симулированной (виртуальной) детской порнографии, то, очевидно, вышеозначенный аргумент полностью теряет силу, т.к. никакие реальные дети или подростки вообще не участвуют в ее производстве.

Б) Утверждается, что просмотр детской порнографии (даже симулированной) *причинно* обуславливает рост количества педосексуальных действий в реальном мире, превращая в активных педофилов тех, кто ими не являлся, или бездействующих педофилов побуждая к действию. Этим обычно обосновывают запрет на ее хранение и распространение в некоммерческих целях.

Само приведенное высказывание ничем по своей сути не отличается от идеи о том, что кинохроника второй мировой войны способствует началу третьей. Однако, как и всегда, обратимся к научным данным. Изучение влияния *любой* порнографии на дальнейшее поведение и психическое здоровье сопряжено с рядом неодолимых трудностей, из которых наиболее очевидной является трудность перехода от установления корреляций к суждениям о причинности, в частности в силу наличия большего количества конкурирующих предикторов тех или иных расстройств или тревожных явлений.⁹⁰ Ситуация также затрудняется этическими проблемами, связанными с проведением эксперимента в данной области.⁹¹ Что касается изучения связи детской порнографии с сексуальными злоупотреблениями детьми, то никакой четкой причинной связи однозначно проследить не удастся: “An assessment of the research literature suggests that pornography is a minor and indirect influence on child sexual maltreatment”.⁹² Другие авторы также указывают на то, что сложно судить о том, насколько часто просматривающие детскую порнографию лица переходят к реальным действиям, а также, сколько из тех, кто переходит к ним, не перешел бы к ним без детской порнографии.⁹³ Некоторые

⁸⁹ Lanning, K., and A. Burgess (1989). “Child Pornography and Sex Rings.”

⁹⁰ D. Zillmann, J. Bryant “Pornography: Research Advances and Policy Considerations”, P.397

⁹¹ Ibid.

⁹² D.D. Knudsen “Child sexual abuse and pornography: Is there a relationship?”

⁹³ Ryan C. W. Hall; Richard C. W. Hall (2007-04). "A Profile of Pedophilia: Definition, Characteristics of Offenders, Recidivism, Treatment Outcomes, and Forensic Issues"

исследователи, тем не менее, отмечают, что просмотр детской порнографии может повысить риск совершения педосексуальных действий.⁹⁴

Нельзя также отбросить идею о том, что детская порнография, вероятно, не увеличивает, а напротив, снижает количество педосексуальных действий в реальном мире, т.к. дает педофилам и другим людям, которые имели какую-то тягу к педосексуальным действиям, своеобразную отдушину для изживания их влечений перед монитором, а не в реальной жизни.⁹⁵ В этой связи следует вспомнить тот факт, что легализация порнографии вообще обычно сопровождается *снижением* всех форм сексуальной преступности. Тут можно указать на Данию в 1970-е⁹⁶, а также на опыт Японии⁹⁷ и США.⁹⁸

Вообще же стоит отметить, что обсуждаемый тут аргумент против детской порнографии выглядит крайне странно в свете многих фактов социальной реальности. Например, не слышно выступлений борцов с педофилами против того, чтобы у многих родителей дети в голем виде находились в общественных местах. Обнаженных детей разных возрастов хватает на любом пляже. Но ведь если обсуждаемый аргумент верен, и детская порнография действительно причинно обуславливает рост количества педосексуальных действий и рост числа педофилов, то уж живая *физически реальная* детская натура должна была бы обращать в педофилов всех посетителей пляжей в огромном радиусе. Выходит, реального педофила нельзя привлечь к суду, если он отправится на пляж и будет онанировать на обнаженных детей, однако можно привлечь к суду родителя-непедофила за фотографию ребенка в ванной для семейного альбома. А как быть с детской гимнастикой в откровенных нарядах? Эти позы, одежда разве не провоцируют педофилов и педосексуальное влечение? Как эта живая натура может не провоцировать, если даже рисунки провоцируют, подстрекают, причинно обуславливают увеличение числа педосексуальных действий? Как быть с фотографиями нудистов и их детей, которые легальны и доступны в сети? Как может фотография целой группы обнаженных детей-нудистов не считаться детской порнографией⁹⁹, притом, что даже рисунки персонажей мультфильмов считаются таковой? Кого карать в случаях, когда дети *сами*¹⁰⁰ производят и распространяют детскую порнографию? Кто в таких ситуациях кем сексуально злоупотребляет?

⁹⁴ Linz and Imrich (2001); Marshall (2000).

⁹⁵ Kennedy-Souza, B.L. (1998). "Internet Addiction Order"

⁹⁶ B. Kutchinskiy "The Effect of Easy Availability of Pornography on the Incidence of Sex Crimes: The Danish Experience"

⁹⁷ Milton Diamond, Ph.D. and Ayako Uchiyama "Pornography, Rape and Sex Crimes in Japan"

⁹⁸ Rape, Porn and Criminality: Political Truth on Trial // <http://jurist.law.pitt.edu/forumy/2006/06/rape-porn-and-criminality-political.php>

⁹⁹ M. Taylor, E. Quayle "Child Pornography: An Internet Crime", P.4

¹⁰⁰ M.G. Leary "Self-Produced Child Pornography: The Appropriate Societal Response to Juvenile Self-Sexual Exploitation"

Если бы борцы с детской порнографией были последовательны в своих устремлениях и замашках, закономерным венцом их борьбы был бы запрет на детей в реальном физическом мире, ведь кто, если не они, больше всего провоцирует педофилов? Также непонятно отсутствие выступлений борющихся с педофилами и детской порнографией против компаний, выпускающих детскую косметику и все более и более сексуализированную и откровенную детскую одежду, против постановки музыкальных и прочих театральных номеров с танцующими в весьма откровенных нарядах детьми.¹⁰¹ Может ли быть так, что сексуализация детской одежды и детская косметика (которые также должны, несомненно, по логике общественных активистов, провоцировать педосексуальные действия) не привлекают внимание борющихся за права детей и их половую неприкосновенность? Или дело в том, что эти активисты выбирают более легкие мишени, чем огромные корпорации, молчаливо закрывая глаза на последние?

Сторонний наблюдатель не может не замечать, что дело не только в драконовском законотворчестве, неразберихе с определениями и путанице со статистикой; дело еще и в том, как все это выглядит в контексте современного общества на фоне многих его реалий, в частности на фоне заметной сексуализации детей индустрией моды. Может ли 12-летняя девочка *соглашаться*, сознательно *решать* использовать косметику или откровенно одеваться? Я оставляю этот вопрос без ответа, но это очень хороший вопрос.

В) Утверждается, что при совращении люди, совершающие педосексуальные действия, могут использовать детскую порнографию, чтобы убедить ребенка или подростка, что предлагаемое ему – нормально.

Этот аргумент выглядит совсем странно. Мы точно знаем, что определенное количество ножей, топоров и молотков может и *будет* использовано для убийства. Должны ли мы на этом основании запретить их производство, хранение, распространение? Очевидно, нет, т.к. это было бы абсурдом. Таким же абсурдом выглядит выше приведенное высказывание, особенно в свете того факта, что для совращения детей с тем же успехом используются обычные книги о человеческой сексуальности и служащие целям сексуального образования.¹⁰² Следует ли их хранение, производство и распространение также признать незаконным?

Г) Утверждается, что совершающие педосексуальные действия лица, производя детскую порнографию, используют ее для последующего шантажа ребенка с целью принуждения его к сохранению факта педосексуальных действий в тайне.

Один из наиболее редких аргументов. Он выглядит резонным, однако следует выяснить, насколько распространена эта ситуация, т.е. какую долю во множестве известных

¹⁰¹ <http://www.youtube.com/watch?v=TYRIYL5uP6w&feature=related>

¹⁰² D. Zillmann, B. Jennings “Pornography: Research Advances and Policy Considerations”: “Books on human sexuality, sex education, and sex manuals are also used to lower [children’s] inhibitions”.

мотивов для хранения детской порнографии занимает данный мотив. Кроме того, данный аргумент не распространяется ни на кого, кроме членов пересечения множества лиц, совершающих педосексуальные действия и множества лиц, хранящих и производящих детскую порнографию с теми детьми, которые в этих действиях участвуют.

Отдельного обсуждения достойна тема структуры аудитории детской порнографии. Не каждый, кто просматривает, ищет или хранит детскую порнографию или симулированную детскую порнографию, является педофилом или человеком, желающим совершать или склонным к совершению педосексуальных действий. Нет также причин, по которым каждый педофил должен был бы иметь детскую порнографию.¹⁰³

Так как, изучая данный вопрос, мы сталкиваемся с пересечением как минимум трех множеств людей, отношения между ними удобно представить на диаграмме Эйлера-Венна.

Трудно судить о соотносительных размерах этих множеств и их пересечений. Относительно пересечения множества лиц, хранящих детскую порнографию и множества лиц, совершающих

педосексуальные действия, мы имеем основания считать, что оно составляет примерно 40% от всего множества лиц, хранящих детскую порнографию.¹⁰⁴ Сложность структуры множества всех обладателей детской порнографии или ищущих ее лиц также отражена в соответствующей литературе: “It is difficult to describe a “typical” child pornography possessor because there is not just one type of person who commits this crime”.¹⁰⁵ Некоторые авторы предпринимают попытки создания подробных типизаций лиц, ищущих и хранящих детскую порнографию.¹⁰⁶ Исследователи выделяют самые разные мотивы к поиску детской порнографии – от сексуального удовлетворения до жажды разнообразия, любопытства и либерального убеждения в том, что любая информация

¹⁰³ R. Wortley, S. Smallbone “Child Pornography on the Internet”, US Department of Justice, Problem-Specific Guide Series, No.41

¹⁰⁴ Janis Wolak, David Finkelhor, and Kimberly Mitchell “Child-Pornography Possessors Arrested in Internet-Related Crimes: Findings From the National Juvenile Online Victimization Study (Alexandria, Virginia: National Center for Missing & Exploited Children”

¹⁰⁵ What Is Child Pornography? //

http://www.missingkids.com/missingkids/servlet/PageServlet?LanguageCountry=en_US&PageId=1504

¹⁰⁶ T. Krone “A Typology of Online Child Pornography Offending”

должна быть доступна.¹⁰⁷ Сравнение лиц, совершивших педосексуальные действия с лицами, хранившему детскую порнографию (две исследованные группы не пересекались) показало, что вторые имели значительно меньшую склонность к рецидивизму, чем первые; тем не менее, исследование обнаружило определенные психологические сходства двух групп.¹⁰⁸ Исследователи отмечают заметный рост количества лиц, ищущих детскую порнографию в сети на протяжении 1990-х годов¹⁰⁹; об изменении количества педофилов и лиц, совершающих педосексуальные действия это, в сущности, ничего не сообщает: это ясно в свете широкого спектра возможных мотивов к поиску. При нагнетании общественной паники не исключено, что горячее обсуждение детской порнографии законодателями, полицией и СМИ ответственно за какую-то часть новых заинтересовавшихся детской порнографией людей, которые без этого обсуждения никогда даже не задумались бы о детях, как о сексуальных объектах. То, в какой мере законы о педосексуальных действиях и детской порнографии, а также сопряженная с ними практика, в действительности *сексуализируют* детей в общественном сознании, остается крайне интересным вопросом. Некоторые исследователи специально подробно останавливаются на нем.¹¹⁰ Даже здравый смысл подсказывает, что, случись иметь место постоянному муссированию темы порнографии с трупами в СМИ, некоторое количество людей из чистого любопытства пожелало бы найти и само посмотреть подобные материалы, чтобы узнать, о чем же именно столько шума. Нет нужды напоминать, какой популярностью среди обывателей в сети пользуются любые шокирующие материалы (как бы моралисту не хотелось верить в обратное).

Также следует отметить, что люди, действительно являющиеся педофилами, могут собирать обычные, ничуть не порнографические/эротические фотографии детей¹¹¹, которые также их возбуждают. Если быть последовательным, то в свете этого факта «логику» борцов с детской порнографией следовало бы распространить на вообще любые изображения детей (любые фотографии, фильмы, рисунки, гравюры, скульптуры) и запретить их все вовсе.

В связи с обсуждением детской порнографии и идеями борцов с ней относительно того, почему она должна быть запрещена, хочется провести одну замечательную аналогию.

В сети существует большое количество ресурсов, посвященных никак не цензурированным фото- и видеоматериалам, на которых запечатлены пытки, казни, убийства, геноцид, истязания, самоубийства, аварии и катастрофы, редкие и особо

¹⁰⁷ Taylor M 1999. The nature and dimensions of child pornography on the Internet Combating child pornography on the Internet conference, Vienna

¹⁰⁸ L. Webb, J. Craissati and S. Keen "Characteristics of Internet Child Pornography Offenders: A Comparison with Child Molesters"

¹⁰⁹ P. Jenkins "Beyond Tolerance: Child Pornography on the Internet", P.74

¹¹⁰ A. Adler "The Perverse Law of Child Pornography"

¹¹¹ M. Taylor, E. Quayle "Child Pornography: An Internet Crime", P.6

впечатляющие своей жестокостью сцены войны и т.д. Эти ресурсы посещаются большим количеством людей каждый день, при этом не попадая практически никогда в поле зрения СМИ или моралистов. Подобные материалы никто или почти никто не пытается запретить: здравый смысл подсказывает, что преследовать следует тех, кто на кадрах хроники отрезает головы или хоронит людей заживо, в то время как просматривающий, сохраняющий или ищущий подобные материалы сам не совершает никаких противоправных действий и не причиняет никому вреда. Также абсурдной выглядит идея о том, что кадры авиакатастроф провоцируют новые авиакатастрофы, кадры обезглавливания в горах Вазиристана – новые обезглавливания, кадры войны – новые войны, фотографии жертв отряда 731 – новые вскрытия детей и беременных заживо без анестезии. Тем не менее, применительно к детской порнографии высказываются ровно эти идеи. Особенно стоит отметить огромное количество медиапродуктов с насилием, не говоря уже о целом жанре японской порнографии садистического толка (guro), который насчитывает сотни тысяч картинок. Если бы образ мышления борцов с детской порнографией был распространен на все это, то ныне даже хранение старой видеокассеты с классическим американским боевиком или DVD с игрой Prince of Persia должно было бы быть незаконным. Вся абсурдность подобных драконовских запретов при отсутствии достаточных академических оснований в данном случае очевидна; в области детской порнографии абсурдность нынешних законов и мер ничуть не меньшая, обыватель не замечает ее, т.к. привык поддерживать эти законы и меры.

Обсуждение симулированной (виртуальной) детской порнографии в сравнении с медиапродуктами с насилием приводится в одной из статей о проблеме подобной порнографии. Автор справедливо замечает: “Whilst I am not suggesting that virtual paedophilia should be deemed morally permissible, I do wish to make it clear that if it is not, then a significant portion of popular entertainment (those which feature representations of murder) may also be brought into question. Consequently, the questions raised concern not only players of computer games, but most members of popular culture.”¹¹²

- 5) Проблема детской проституции содержит такое количество сложных вопросов, что я должен здесь воздержаться от ее обсуждения. Это же, в сущности, следует сказать о проблеме проституции вообще. История учит нас, что уничтожить проституцию невозможно также как порнографию, поэтому приходится признать, что это явления постоянные и непобедимые (вопрос о динамике их масштаба я не рассматриваю). В свете этих фактов представляется вполне вероятным, что и детская проституция, как часть вообще всякой проституции, также никогда не будет побеждена. Трудно поверить, конечно, что борцы за права и неприкосновенность детей смирятся с этим. Легко представить себе всю тяжесть положения сексуально эксплуатируемых детей. Однако я,

¹¹² M. Luck “The gamer’s dilemma: An analysis of the arguments for the moral distinction between virtual murder and virtual paedophilia”, P.6

не располагая опытом и научными данными на этот счет, не могу и предлагать решений, которые бы позволили уменьшить масштаб проблемы.

Лишь одну мысль хотелось бы подчеркнуть в этой связи: воздействовать необходимо на причину, а не на следствие. Я не берусь решать, что является главной причиной детской проституции, но я более чем уверен, что это не увеличение количества педофилов. Необходимо тщательно изучить возрастной и половой состав проституирующих детей и подростков, а также их социальный статус, семейные обстоятельства и т.д. прежде, чем можно будет ясно осознать, какие именно социальные явления обуславливают нынешнее положение вещей. Если, к примеру, проституция для миллионов бездомных детей нашей страны есть средство заработка, то никакая война с сутенерами, очевидно, не поможет; поможет внимание институту семьи. Это лишь частный пример, но он отчетливо выражает мысль.

- б) Последнее время исследования проявлений детской сексуальности во многом переориентировались на изучение последствий сексуальной эксплуатации детей; почти все открытые проявления сексуальности у детей часто истолковываются как результаты сексуального злоупотребления детьми. Само существование здоровой детской сексуальности стало, кажется, снова ставиться под сомнение (словно не было работ Белла, Молля¹¹³ и Фрейда). Это отмечается в академической литературе, посвященной изучению здорового развития детской сексуальности.

Ребенок, вопреки вновь распространяющемуся взгляду, является не чистым белым листом, на котором взрослые витиевато пишут свои пороки, а с рождения имеет сексуальное влечение и является полноценным субъектом сексуального влечения с самого начала своей жизни. К счастью, большинство современных пособий по сексуальному воспитанию для родителей до сих пор содержат в себе важную информацию о развитии здоровой детской сексуальности. Как нам известно, сексуальность имеет отношение к получению удовольствия от раздражения эрогенных зон. Либи́до ребенка претерпевает своеобразную эволюцию на протяжении его жизни, проходя череду различных фаз, а затем унифицируясь и усиливаясь (но не впервые возникая!) в пубертатном возрасте. В это же время к сексуальности присоединяется ничего с ней изначально не имевшая общего репродуктивная функция. В сравнении с изначальными идеями Фрейда на эволюцию форм либи́до у детей, можно заметить, что современная сексология отказывает детям в том, что Фрейд называл латентной фазой, таким образом, считая их еще более сексуализированными.

Остается только удивляться тому, как можно оказывать детям в сексуальности; пожалуй, любой воспитатель сталкивался с откровенными манифестациями либи́до у детей, а также и с часто возникающей между ними различной сексуальной активностью.

¹¹³ А. Молль «Половая жизнь ребенка»

Это не говоря уже о том, что почти все люди сами помнят определенные сексуальные эпизоды из своего детства. Часто все подобные явления истолковывают только как проявления детского любопытства, это, однако, очень недальновидно: дети быстро обнаруживают удовольствие от сексуальной стимуляции и воспроизводят его многократно со вполне конкретной целью. Проявления детской сексуальности настолько часто попадают в поле зрения, что странно было бы в наш век *снова* доказывать кому-то, что ребенок не только порою объект, но и всегда субъект сексуального влечения. Тем не менее, можно обратиться к академическим трудам, посвященным детской сексуальности с тем, чтобы окончательно развеять вновь распространяющееся борцами за чистоту нравов заблуждение относительно полной асексуальности детей.

Сексуальные действия и поведение обнаруживаются практически у всех детей в возрасте от 2 до 12 лет: “Research clearly indicates that children are sexual beings, and will exhibit a broad range of sexual behaviors in the absence of sexual abuse”.¹¹⁴ Этот и другие авторы¹¹⁵ особо подчеркивают, что широкий спектр сексуальных действий наблюдается у здоровых детей, которые никогда не подвергались никаким сексуальным злоупотреблениям. Около 40% девочек и 38% мальчиков мастурбируют еще до наступления пубертатного периода, причем девочки начинают раньше.¹¹⁶ Во многих случаях мастурбаторная активность подсказана другими детьми.¹¹⁷ Хотя и не очень часто, но дети также демонстрируют орально-генитальные контакты, иногда вводят различные предметы в естественные отверстия тела с целью получения удовольствия.¹¹⁸ M. Reynolds, D. Harbenick, J. Bancroft приводят очень подробные данные, полученные при изучении двух непересекающихся групп детей, относительно различных видов их сексуальной активности, количестве участвовавших в ней детей, стратифицируя группы по половому признаку, а сексуальные действия – по времени возникновения.¹¹⁹ На примере приводимых ими данных видно, как в структуре мотивации любопытство постепенно теряет с возрастом свои позиции перед жадной наслаждения. Оценка самими детьми этих действий по большей части или смешанная или ярко выражено положительная.

Порою, сексуальная активность возникает и между братьями и сестрами, в том числе двоюродными. Подобные контакты иногда сопровождаются определенной мерой принуждения; имевшие их люди, вырастая, разделяются на примерно равные по численности группы положительно и отрицательно оценивающих подобный опыт.

¹¹⁴ W. Friedrich “Studies of Sexuality of Nonabused Children”

¹¹⁵ William N. Friedrich, PhD, Jennifer Fisher, PhD, Daniel Broughton, MD, Margaret Houston, MD, Constance R. Shafran, PhD “Normative Sexual Behavior in Children: A Contemporary Sample”

¹¹⁶ J. Bancroft, D. Harbenick, M. Reynolds “Masturbation as a Marker of Sexual Development”

¹¹⁷ Ibid.

¹¹⁸ M. Reynolds, D. Harbenick, J. Bancroft “The Nature of Childhood Sexual Experiences”

¹¹⁹ Ibid.

Примечательно, что девочки, имевшие подобный опыт, оказывались в дальнейшей жизни значительно более сексуально активными, чем девочки, не имевшие подобных эпизодов в детстве.¹²⁰ Вообще, относительно сексуальных контактов между детьми, верно, что чем меньшей мерой принуждения они характеризуются, тем более положительное впечатление оставляют.¹²¹

Дети иногда проявляют поразительную сексуальную жестокость по отношению друг к другу. Finkelhor замечает: “many children suffer serious rapes and ongoing sexual abuse from older siblings, neighbors, and schoolmates”.¹²²

Обсуждая причины, по которым дети чаще всего сохраняют в тайне свои сексуальные отношения со взрослыми, Suzanne M. Sgroi замечает, что одной из веских причин выступает часто то, что ребенок сам получает сексуальное удовольствие, и желает его повторения, а также ощущает повышение самооценки и чувствует себя по-взрослому важным и т.д.: “The child may keep the secret because he or she enjoyed the activity and wants the behavior to continue”. Отрицание этого кажется автору непростительным: “to deny that the pleasurable aspects of the sexual behavior may be self-reinforcing for the child, is to ignore the obvious and to neglect to consider one of the most important dynamics”.¹²³ Автор в дальнейшем обсуждает долгосрочные последствия преждевременной сексуальной активности для участвовавших в педосексуальных действиях детей, однако, исследование ясно констатирует факт получения ребенком удовольствия в процессе и желания повторения этого удовольствия. Сходные выводы высказывает другой автор: «При обоюдном согласии и при предварительной информированности ребенка в сценарии хотя бы начала сексуальных действий, при отсутствии попыток жёсткого психологического давления на него, и без физического насилия со стороны взрослого, ребенок способен ощущать партнерское равноправие, получать удовлетворение и положительные эмоции от такой связи».¹²⁴

Из всего вышеприведенного видно, что невозможно отказывать детям в сексуальности, не отрицая при этом внушительные массивы опытных научных данных. Ребенок является субъектом, а не только объектом сексуального влечения.

- 7) Такое широкое и странное определение «ребенка», очень мало пересекающееся с реальностью человеческой физиологии порождает изрядное количество понятийных проблем и смешивает разнородные группы явлений. Наделение одинаковым правовым

¹²⁰ David Finkelhor “Sex among siblings: A survey on prevalence, variety, and effects”

¹²¹ J.J. Haugaard, C. Tilly “Characteristics predicting children's responses to sexual encounters with other children”

¹²² David Finkelhor “Child Sexual Abuse”

¹²³ S.M. Sgroi “Clinical Intervention in Child Sexual Abuse”, Conceptual Framework

¹²⁴ Г.Б. Дерягин «Педофилия» (в авторской редакции 2011 г.)

статусом 15-месячных и 15-летних людей есть очень недавнее изобретение, которое претит самому здравому смыслу, что, как ни странно, ничуть не смущает законодателей.

- 8) Хочется верить, что нет нужды объяснять различия между уровнями умственного и сексуального развития между детьми 5 лет и подростками 14 лет и всю абсурдность отнесения их к одной и той же категории. Поэтому тут коротко обсудим собственно «возраст согласия» и связанные с ним проблемы.

До 1880-х годов в США возраста согласия для девочек почти всюду составлял 10 лет. С этого времени он начал повышаться; это продолжалось на протяжении двадцатого века. Возраст согласия был поднят до 16, а затем и до 18 лет (1985) (в некоторых штатах даже выше). При этом фактический возраст физического созревания на протяжении последнего столетия существенно снизился с примерно 15 до приблизительно 12-13 лет.¹²⁵ Разнонаправленность этих двух тенденций не может не вызывать недоумения, а также не создавать социальных проблем. Тринадцатилетняя девочка сегодня имеет куда больше склонности к сексуальной активности, чем 120 лет назад; законодатель, однако, напротив, отказывает ей в подобной активности, именуя таковую в этом возрасте чем-то настолько недопустимым и извращенным, что его коллега из 19 столетия был бы немало удивлен.

Особенно удивительным выглядит соотношение возраста согласия с минимальным возрастом уголовной ответственности. В России законодатель считает 14-летнюю девочку достаточно развитой, зрелой и сознательной, чтобы распорядиться орудием убийства (Статья 105 УК РФ) и нести за это уголовную ответственность. Одновременно законодатель начисто отказывает ей в праве распорядиться своей девственной плевой. Подобная ситуация имеет место во многих странах мира, достигая, порою, просто поразительной абсурдности. Например, в Ирландии минимальный возраст уголовной ответственности составляет 7 лет, а «возраст согласия» - 17. Лицо может привлекаться к уголовной ответственности с 7 лет в Индии и Сингапуре, с 10 лет – в Австралии, Англии, Швейцарии. «Возраст согласия» во всех этих странах составляет 16 лет. В США возраст согласия колеблется в диапазоне 16-18 лет, а минимальный возраст уголовной ответственности варьирует в широких пределах с нижней границей в 6-7 лет. В Бразилии, напротив, возраста согласия (14 лет) меньше минимального возраста уголовной ответственности (18 лет). Одновременно закон, в сущности, нигде не карает ненасильственные сексуальные действия между людьми, не достигшими возраста согласия. То есть, к примеру, в России или США 14-летний мальчик и 14-летняя девочка могут беспрепятственно заниматься сексом, и законодатель не считает их не достаточно зрелыми или развитыми для этого. А вот для секса с 18-летним юношей 14-летняя девушка, по мнению законодателя, не готова и не отличается по возможности

¹²⁵ P. Jenkins “Beyond Tolerance: Child Pornography on the Internet”, P.26

соглашаться и осознавать характер происходящего от 18-месячной. Трудно представить, как подобные законодательные акты сосуществуют друг с другом – в реальности и в умах политиков и обывателей, которые в изрядной своей части поддерживают повышение возраста согласия. В США имеется такой термин, как “statutory rape”, который означает изнасилование без насилия (!) и описывает случай, при котором лицо, не достигшее возраста согласия, вступает в половое сношение с лицом, чей возраст превышает определенный порог (который может быть и выше возраста согласия). При этом даже если сношение спровоцировано и инициировано младшим партнером, он все равно считается изнасилованным (без насилия).

Неясно также, зачем вообще нужен возраст согласия. Если сексуальные отношения не насильственны и не приносят вреда, то какая разница, в каком возрасте они происходят и какова разница между возрастными партнерами (партнерш)? А если половые сношения характеризуются принуждением или насилием, то как влияет возраст участников и разница между их возрастными на возможность судебно-медицинской экспертизы оценить наличие психического, физического вреда и степень их выраженности? Не причинит ли изнасилование взрослым мужчиной взрослой женщины ей вред психический и, вероятно, физический (взрослые люди очень разнятся по своим физическим данным) больший, чем ненасильственный половой акт 15-летнего юноши и 20-летней девушки этому юноше? Законодатель отвечает уверенное «нет», которое распространяется на все случаи и обстоятельства. За случаем, при котором вторая ситуация может пройти вообще без негативных последствий, политик не закрепляет реальности. Также следует помнить, что сама идея возраста согласия была порождена социальной реальностью 19-ого века и служила цели защиты *marriageability* («способность быть выданной замуж») маленькой девочки, а вовсе не защиты ее прав или психики. При вскрытии факта совершения взрослым мужчиной педосексуальных действий в отношении девочки, приводивших к разрушению ее девственной плевы, первой реакцией ее семьи было заставить этого мужчину на ней жениться (*shotgun wedding* – «свадьба под дулом дробовика»), а не посадить его в тюрьму. В наше время отсутствие девственности невесты уже не мешает ей выходить замуж, поэтому в наше время сохранение возраста согласия выглядит особенно странно.

Приходится констатировать, что законодательные определения «ребенка», а также законы о «возрасте согласия» и то, как они выглядят в контексте других законов и реальных жизненных обстоятельств в большинстве цивилизованных стран, заставляют усомниться в здравости ума авторов этих законов, равно как и общественности, которая их поддерживает.

- 9) Любому владеющему логикой и фактами становится очевидной бессмысленность общественной ненависти по отношению к серийным убийцам, некрофилам, педофилам

и т.д. Обыватель верит в то, что ужесточение наказаний причинно обусловит снижение числа наказываемых действий. Это *могло бы* быть верно, только если эти действия есть результат свободного волеизъявления. Но люди не выбирают, не решают стать серийными убийцами, некрофилами, педофилами, раптофилами или некрофетишистами. Эти вещи не есть результат реализации свободы воли, поэтому, в сущности, должны были бы делать всех этих субъектов невменяемыми (в силу невозможности контролировать свои действия). Суд часто идет на поводу у общественности, которая так сильно ненавидит серийного убийцу, что *не стерпит* признания его невменяемым.

Все, что нам известно о сексуальных извращениях и серийных убийцах, подсказывает нам, что то, что мы делаем с *уже* по факту имеющимся, *никак* не влияет на количество вновь появляющихся. Усомнившись в этом следует расположить в хронологическом порядке по дате рождения всех известных серийных убийц, действовавших, к примеру, на территории России и бывшего СССР на протяжении последних 110 лет. Большая часть из них окончила дни в расстрельной комнате, и, тем не менее, в год казни одного неизменно рождалось несколько человек, кто через 10, 20 или 30 лет начинал убивать. Жестокость общественной мести уже по факту имеющимся серийным убийцам и извращенцам никак не влияет на появление новых; обыватель или тешит себя мыслью о том, что это не так, или вообще не раздумывает о причинах. В самом деле, это просто поражает, но когда ловят очередного серийного убийцу, сексуального садиста и т.д. обыватель и СМИ, кажется, с какой-то нездоровой радостью смакуют сначала жестокости преступлений, а затем – жестокости предлагаемых казней. После избавления от нарушителя спокойствия о нем все забывают. Как это помогает решить проблему *появления* подобных людей? *Причины*, по которым люди становятся педофилами, некрофилами или серийными убийцами обыватель не обсуждает практически никогда: он или наивно верит, что это результат выбора (иначе этих людей нельзя казнить, что обывателю претит), или вообще не думает об этом.

Невозможно переоценить важность этого факта: что бы там ни было причиной самых странных и поразительных вариантов организации либидо и агрессивных актов, казни, пытки, общественная ненависть и массовый страх по отношению к этим вещам (видимо, ответственный за желание как можно быстрее физически избавиться от них) никогда – *ни в какой* временной перспективе – не решат проблему. Обыватель готов тысячу лет выявлять извращенцев и серийных убийц, тысячу лет затем убивать их и делать вид, будто новые не появятся.

Единственное, что хотя бы в перспективе сможет решить проблему, так это исследование причин подобных явлений. Мы должны задавать себе два вопроса:

- a) Что вообще приводит к тому, что люди становятся серийными убийцами, садистами, некрофилами, педофилами и т.д.?
- b) Постольку, поскольку мы знаем ответ на первый вопрос, как можем мы разглядеть потенциально опасных и странных людей еще в самом раннем детстве и какие превентивные меры можем мы принять, чтобы они не сделались общественно опасными, несчастными сами и не сделали несчастными других?

Только такой подход поможет нам когда-нибудь справиться с нашими проблемами. Общество само просматривает странных детей и людей с тревожными психологическими особенностями, само игнорирует их, а затем делаем вид, что не имело с ними никогда ничего общего, что они не в его лоне родились и выросли, и торопится избавиться от них, причем как можно более жестоко. Трудно вообразить себе большее лицемерие. Ужесточение законов относительно педосексуальных действий никогда не поможет избавиться от них; игнорирование этого факта чревато огромными затратами, чрезмерной жестокостью и полным отсутствием результатов.

Относительно причин педофилии имеется много гипотез, большая часть которых связывают педофилию с явлениями мозговой деятельности, метаболизмом, действием нейромедиаторов и генетической предрасположенностью. Изучение биографий различных групп педофилов показывает, что потенциальной причиной может выступать факт вовлечения в педосексуальные действия в детстве: 28-93% педофилов мужского пола и 47-100% женского были вовлечены в детстве в подобные действия.¹²⁶ Верно, однако, что большинство лиц, которые вовлекаются в педосексуальные действия, не совершают их впоследствии.¹²⁷ Следует отметить, что, несмотря на огромное количество произведенных исследований, никакой единой превалирующей гипотезы о причинах педофилии нет.

- 10) Характерными чертами современного общества по части отношения к педофилам, детской порнографии и т.д. следует признать не только безоговорочную, безапелляционную и слепую веру в истинность указанных в начале данной работы десяти положений, но и ряд других, намного более тревожных явлений.

В силу того, что вера в описанные идеи очень прочно укоренилась в общественном сознании, а СМИ постоянно нагнетают обстановку, обыватель сделался крайне чувствительным к данной теме. Это приводит к поразительным психологическим реакциям: когда научное сообщество подходит к изучению педофилии и всего сопряженного с нею непредвзято и обнаруживает, что масштаб проблемы преувеличен,

¹²⁶ L.J. Cohen, K. Nikiforov, S. Gans "Heterosexual male perpetrators of childhood sexual abuse: a preliminary neuropsychiatric model"; D.M. Vandiver, G. Kercher "Offender and victim characteristics of registered female sexual offenders in Texas: a proposed typology of female sexual offenders"

¹²⁷ L.J. Cohen, K. Nikiforov, S. Gans "Heterosexual male perpetrators of childhood sexual abuse: a preliminary neuropsychiatric model"

как и вред педосексуальных действий, то вместо радости от осознания факта ранее имевшего место преувеличения проблемы, обыватель (и политик, ищущий его симпатии) мгновенно обрушиваются на академическое сообщество и с поразительным накалом эмоций не желают верить ему. Это также странно, как ситуация, при которой больной с подозрением на рак так сильно уверовал уже в то, что страдает раком, что когда ему сообщают о том, что он здоров, он вместо радости обрушивается на врача с критикой и скепсисом. По всей видимости, нежелание признать свою собственную ошибку и желание во что бы то ни стало оказаться правым в любых своих опасениях и страхах для обывателя куда важнее фактов.

Помимо уже описанного случая с метаанализом 1998 года, в США имела место целая череда всплесков общественной ненависти по отношению к выдающимся сексологам современности, которые осмелились опубликовать данные, шедшие вразрез с общественным мнением и политическими идеями.¹²⁸ Недавно в России публичному остракизму подвергли Г. Дерягина, за его статью о педофилии, которую, судя по высказываниям о ней в СМИ, ненавистники Дерягина даже не удосужились полностью прочесть. Само обсуждение того, верны ли или неверны убеждения борцов с педофилами и детской порнографией, кажется, негласно под запретом: “This doctrinaire and politically charged approach to child protection led to a counterattack against critics who were treated as misguided or malevolent heretics — members of a supposed social backlash movement whose beliefs would roll back decades of progress made on behalf of abused children”.¹²⁹

Реакцией на попытки обсуждения становятся обычно две вещи:

А) Исследователя или просто непредвзято, объективно подходящего к проблеме человека автоматически демонизируют, самого зачисляют в педофилы, извращенцы, маньяки, насильники и т.д. без каких бы то ни было промедлений и размышлений.

Б) Поразительно, но при полном отсутствии призывов к чему бы то ни было, журналисты и обыватели всегда умудряются найти в ряде научных статей «пропаганду педофилии» или ее «оправдания». Достаточно самому прочесть любую из обвиняемых в этом публикаций, чтобы не обнаружить там ни одного призыва и ни одного глагола в повелительном наклонении.

Складывается чрезвычайно тяжелая ситуация, при которой ученому просто опасно заниматься беспристрастным изучением педофилии. Ряд академических статей даже специально посвящен описанию того, какому остракизму и каким обвинениями подвергают ученых в данной области.¹³⁰

¹²⁸ См. H. Wakefield “The Effects of Child Sexual Abuse: Truth Versus Political Correctness”

¹²⁹ J. Earl “Child Pornography, The Politics of Child Abuse, and the Abuse of Innocence: Analysis and Commentary”

¹³⁰ Rind, B., Tromovitch, P., Bauserman, R. (2000) “Condemnation of a scientific article: A chronology and refutation of the attacks and a discussion of threats to the integrity of science”, Rind, B., Tromovitch, P., Bauserman, R. (1999, November 6).

Может показаться, что современный мир впал в массовое помешательство, однако, это не так. Современная ситуация является типичным примером общественной моральной паники¹³¹; подобные паники возникали и в прошлом, чередуясь с периодами относительного спокойствия и безмятежности. В США первая подобная паника имела место в период 1908-1922 и характеризовалась общественными опасениями относительно неких “defective delinquents”. После затишья в конце 1920-х и начале 1930-х, возникла новая паника, продолжавшаяся с 1936 по 1957 годы; она была в изрядной степени спровоцирована случаем Альберта Фиша. В этот раз общественное зло получило наименование “sexual offender” и “psychopath”. Расцвет общественного страха пришелся на конец 1940-х и начало 1950-х. Период 1957-1976 (“Libertarian Era”) в этом отношении охарактеризовался вновь возникшим спокойствием, а также уничтожением цензуры, сексуальной революцией и легализацией порнографии (начиная с Дании в 1969). Публикации этого времени, посвященные педосексуальным действиям, видели ребенка зачинщиком, преследующим свою психологическую выгоду. Мало или вовсе не известные ныне, эти академические работы – будь они изданы сейчас – стоили бы авторам репутации и, вероятно, карьеры. С 1976 года начинается нынешний виток моральной паники; ситуация в корне не изменилась, изменились термины: ныне общественность пребывает в ужасе перед “pedophiles”, “child abusers” и “child molesters”. Все обострения моральных паник характеризуются драконовским законотворчеством, совершенно неадекватным имеющейся проблеме: “In response, lawmakers implement policies that may cause harm in areas having nothing to do with the original problem and that divert resources away from measures which might genuinely assist in protecting children”.¹³² Исследователи предполагают, что вообще образ сексуального преступника в общественном сознании в каждую эпоху полностью предопределен социетальными процессами и не имеет фактически ничего общего с реальностью. Другие академические работы посвящены подробному изучению сходных моральных паник на тему педофилов в других странах.¹³³

Причины нынешней моральной паники туманны; однако невозможно отстаивать взгляд, что она – результат чьих-то намеренных действий. По всей вероятности, эта моральная паника возникла стихийно, также как и предыдущая, однако, может быть, ее семена попали на более благодатную почву (дети – самая незащищенная часть общества), что обуславливает ее большую интенсивность. Среди тех панических идей, которые привели к разрастанию нынешней общественной истерии относительно педофилов,

“The clash of media, politics, and sexual science: An examination of the controversy surrounding the Psychological Bulletin meta-analysis on the assumed properties of child sexual abuse”. Talk presented at the 1999 Joint Annual Meeting of the Society for the Scientific Study of Sexuality and the American Association of Sexuality Educators, Counselors, and Therapists, St. Louis, Missouri.

¹³¹ P. Jenkins “Moral Panic: Changing Concepts of the Child Molester in Modern America”

¹³² Ibid.

¹³³ См., например, P. Jenkins “Intimate Enemies: Moral Panics in Contemporary Great Britain”

следует упомянуть слухи 1970-х о сатанических культах, практикующих секс с детьми, а также феминистские идеи о том, что огромная доля женщин имеет психологические проблемы из-за имевшего место в детстве домогательства.¹³⁴ В глаза бросается абсурдность подобных идей, тем не менее невозможно отрицать их роль в начале того, что мы имеем ныне. Моральная паника продолжает разрастаться, поддерживаясь на системе положительных обратных связей. Учитывая свойства человеческой психологии, нет, в сущности, ничего удивительного в том, что довольно странные и бесосновательные предположения могут получать статус чуть ли не прописной истины в глазах огромного количества людей.¹³⁵

Нынешняя ситуация выглядит крайне тревожной. Драконовское законодательство и правовые практики, огромные усилия, затрачиваемые на борьбу с раздутой проблемой и нагнетание массового страха имеют очень большую социальную и финансовую стоимость для общества. Борцы с педофилами и детской порнографией получили баснословные полномочия, средства и власть. Их количество, вполне вероятно, сильно превосходит количество тех, кого они преследуют. Эта ситуация очень скверная, т.к. при нарушении естественного баланса между количеством борцов и количества правонарушителей определенной категории, осужденных не может стать меньше. Пока властвует инквизитор, не может прекратиться сожжение ведьм, они не могут кончиться; пока велика власть НКВД, не могут прекратиться расстрелы и аресты «врагов народа», их число не может упасть, ведь иначе борцы станут не нужны. Сейчас борцы с педофилией и детской порнографией тратят на свою деятельность огромные деньги из бюджетов своих стран и занимают огромное количество людей. В ФБР людей, занятых борьбой с детской порнографией, в два с лишним раза больше, чем занятых обеспечением национальной безопасности.¹³⁶ В США существует целая организация людей, пострадавших от драконовских судебных решений, имевших место в силу текущей общественной паники.¹³⁷ Сами дети и подростки становятся порою жертвами законов, призванных их защищать. Стражи порядка говорят нам, что дети злоупотребляют сами собою. Известны случаи, когда дети (в правовом смысле) привлекались в уголовной ответственности за то, что производили детскую порнографию со своим участием.¹³⁸ Общественная ненависть и нетерпимость ко всем, кого только заподозрили в педосексуальных действиях, переходит все мыслимые границы, приводя к тому, что даже ни в чем не виновные лица навсегда теряют свою репутацию и доброе имя.¹³⁹ В США за фотографию обнаженного 17-летнего человека

¹³⁴ A. Adler “The Perverse Law of Child Pornography”

¹³⁵ См. результаты некоторых опытов по социальной психологии, например, опытов Эша.

¹³⁶ R. Fogarty “FBI digital counterintelligence weakened by focus on child porn” // <http://www.itworld.com/security/160701/doj-fbi-cyber-security-largely-incompetent-obsessed-child-porn>

¹³⁷ www.ReformSexOffenderLaws.org

¹³⁸ A.F. Kimpel “Using Laws Designed to Protect as a Weapon: Prosecuting Minors Under Child Pornography Laws”

¹³⁹ Описание 150 случаев подобных судебных решений см. в M. Burns “False Accusations of Sex with Juveniles”

можно отправиться в тюрьму на срок в два раза больший, чем за попытку его убить, и на в четыре раза больший, чем за нанесение ему тяжких телесных повреждений, повлекших смерть (!).¹⁴⁰ Даже самые легкие случаи (например, добровольные сношения взрослого лица с подростком до возраста согласия) приводят к длительным тюремным срокам и обязательной регистрации в национальном реестре сексуальных преступников, посредством которого все личные данные и адреса нарушителей предаются гласности. Число зарегистрированных в США сексуальных преступников превышает население многих крупных городов.¹⁴¹ Помимо бесчисленного количества сломанных жизней, содержание всех этих людей в тюрьме, их регистрация и отслеживание обходятся налогоплательщикам в баснословные суммы. В реестре сексуальных преступников Америки и Британии числятся даже дети 11 и 8 лет, занесенные туда за проявления здоровой детской сексуальности вроде игры в доктора.¹⁴² Детям из первых и вторых классов предъявляются обвинения в содомии¹⁴³, дети 6 лет¹⁴⁴ и даже 4-летние¹⁴⁵ обвиняются в сексуальных домогательствах и сексуальных злоупотреблениях.¹⁴⁶ Эти и другие дети подвергаются принудительному лечению методами, в том числе электрошоковой терапии (!), которые применялись в 1950-е для «лечения» гомосексуалов.¹⁴⁷ Люди, которые даже не предприняли по факту никаких противоправных действий и которые были специально спровоцированы на нечто такое, что может быть истолковано, как проявления намерения совершить таковые, отправляются в тюрьму, попав перед этим (или для этого?) в целое телешоу, делающее рейтинг на общественной ненависти к педофилам.¹⁴⁸ Еще 40 лет назад обыватель, *благодаря* которому это стало возможно и имеет место, не поверил бы в то, что такие вещи вообще могут происходить и заподозрил бы предположившего такое человека в безумии.

Даже в академической литературе можно обнаружить подробные обсуждения случаев борцов с детской порнографией и педофилией, которые сами на деле распространяли детскую порнографию. Авторы одних из самых популярных книг, муссирующих скандалы и судебные разбирательства по делам о сексуальных действиях с

¹⁴⁰ M. Burns “Throwing Away the Key”

¹⁴¹ M. Burns “Counting and Over-Counting Sex Offenders”

¹⁴² M. Burns “Criminalizing Child’s Play”

¹⁴³ E. Sinociv “First Graders Face Sodomy Charges” // <http://www.14news.com/story/2931302/first-graders-face-sodomy-charges?nav=3w6nWEna&redirected=true>

¹⁴⁴ 6-Year-Old Accused Of Sexual Harassment // <http://www.thedenverchannel.com/nationalnews/6836257/detail.html>

¹⁴⁵ 4-year-old suspended after hugging teacher's aide // http://www.pantagraph.com/news/weird-news/article_b72f2ac5-b91b-5af6-ae79-7ac99699ae4f.html

¹⁴⁶ B. Smith “Boy, 6, accused of sex abuse”

¹⁴⁷ Arousal Reconditioning // <http://www.ethicaltreatment.org/reconditioning.htm>

¹⁴⁸ См. Catch a Predator с Крисом Хенсенем.

малолетними, Пол и Ширли Эберли сами оказались отнюдь не равнодушны к детям в сексуальном отношении.¹⁴⁹

С 1978 года правоохранительные органы и законодатели борются с педофилами и детской порнографией; они получили почти неограниченную власть, расширили правовые практики до поражающего воображения абсурда, увеличили штаты работников во много раз и активно поддерживают и нагнетают общественную панику. За все это время (30 с лишним лет) ни разу борцы с детской порнографией и педофилией не заявили о том, что их старания дали результаты и проблема хотя бы стабилизировалась или начала исчезать. Напротив, за эти три десятилетия рьяной и масштабной борьбы, по отчетам самих же правоохранительных органов, проблема стала только еще более неразрешимой. Очевидно, что иди речь о любой другой проблеме, такие борцы с нею уже очень давно лишились бы работы; но в данном случае семена моральной паники попали на очень благодатную почву – речь идет о детях, поэтому у обывателя, кажется, полностью отключается критическая способность ума, и он готов сложить свои права и свободы к ногам государственных деятелей. Трудно предсказать, сколько еще лет должно пройти, прежде чем текущая социальная паника пройдет и вновь установится период спокойствия.

Невозможно также закрывать глаза на тот факт, что активное муссирование темы педофилии и детской порнографии в СМИ отвлекает внимание и средства от решения намного более важных проблем, связанных с детьми по всему миру. Детский голод, детское курение, детский алкоголизм, религиозное насилие в форме принудительной индоктринации и ритуальное, в том числе сексуальное членовредительство¹⁵⁰ не привлекают к себе в наши дни практически никакого внимания, обыватель игнорирует эти проблемы и не задумывается о них. В условиях российской реальности крайне остро стоит проблема детской беспризорности и высокой детской смертности. В России насчитывается несколько миллионов беспризорных детей¹⁵¹, количество которых – как и количество детей, больных алкоголизмом, токсикоманией и сифилисом – растет даже по официальной статистике. Основной мотив детоубийств новорожденных, совершавшихся женщинами в России в 2002 году, - нищета: ребенка нечем кормить и из милосердия его пытаются умертвить быстро вместо того, чтобы обрекать на голодную смерть.¹⁵² Эти проблемы не привлекают и одной десятой доли того внимания, которые привлекает тема педофилии. Если бы борцов с педофилией и детской порнографией действительно волновали дети, а не собственный политический рейтинг, они сумели бы

¹⁴⁹ J. Earl “Child Pornography, The Politics of Child Abuse, and the Abuse of Innocence: Analysis and Commentary”

¹⁵⁰ В мире ныне приживают от 100 до 140 миллионов женщин, подвергшихся ритуальному сексуальному членовредительству в форме разных вариантов женского обрезания. См. <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs241/en/>

¹⁵¹ Аналитический Вестник Совета Федерации РФ 20 (176) С. 35-36, М.П. Титова «Детская беспризорность как угроза национальной безопасности России: социологический аспект»

¹⁵² Ювенский, Шумский, Калужная «Женщины-убийцы»

расставить приоритеты. Очевидно, что проблема педофилии, скорее всего, не вошла бы даже в десятку самых тяжелых проблем, связанных с детьми в России, а может быть и во всем мире.

Коротко говоря, главные критические замечания в адрес борцов с педофилами и детской порнографией звучат так:

При нынешней социальной, политической и финансовой модели постановки борьбы с педофилией и детской порнографией, количество осужденных людей, а также диспропорционально или вообще незаслуженно пострадавших, включая маленьких детей, не может уменьшиться. Действия борцов с педофилией и детской порнографией не только приводят к масштабному увеличению человеческих страданий, ломая жизни и портя репутации, но и обходятся в огромные суммы денег гражданам их стран, отвлекая ресурсы от решения намного более важных проблем, связанных с детьми.

Подводя итог данной секции, отметим следующее:

- совокупность современных общественных процессов, законодательной активности и массового восприятия проблемы педофилии является типичным примером моральной паники, подобные которой периодически возникают уже много десятилетий;
- спектр пропагандируемых и принимаемых мер только поглощает ресурсы, отвлекая их от других важных задач, порождает массу новых проблем и никак не способствует решению уже имеющихся;
- масштабы проблемы педофилии и детской порнографии весьма преувеличены в общественном сознании; сомнения в этом, как и в других слепо разделяемых обывателями и политиками идеях, может легко стоить усомнившемуся человеку репутации, а то и карьеры; диспропорциональное внимание теме педофилии и детской порнографии отвлекает общественное внимание от неизмеримо более важных, глубоких и серьезных проблем, связанных с детьми.
- Правовые практики и принятые законы переходят не только границы адекватности, но и, кажется, границы психического здоровья, приводя к тому, что даже малолетние дети страдают от законов, которые призваны их защищать.

Заключение

Данная скромная работа поднимает, пожалуй, большую часть основных проблем – научных и социальных – связанных с педофилией и детским порно в контексте современного западного и российского общества. Количество затронутых тем, описанных фактов и закономерностей слишком велико, чтобы снова, пускай даже кратко, перечислять их. Можно лишь сделать общий вывод: приведенные в начале этой статьи популярные идеи все на поверку оказываются или заблуждениями или голословными утверждениями, не находящими однозначных и достаточных фактических свидетельств в свою пользу.

Самым же важным достижением автора на самом деле является *объем* данной работы. Притом, что она не претендует на академические стандарты качества и написана не врачом и не сексологом, она – всего лишь короткий, предварительный, в сущности, пропедевтический обзор того огромного клубка сложных вопросов и океана фактов, с которыми приходится столкнуться исследователю при изучении педофилии и детской порнографии. Читателя не может не впечатлять то, что изложенные в самом начале популярные воззрения едва занимают одну страницу, в то время как вся остальная работа потребна только для того только, чтобы ответить на них – *коротко*, оставив массу сопряженных тем, гипотез и вопросов в стороне.

Как можно донести до обывателя содержание этой работы? Данная статья – также как и множество куда более полных, строгих и обоснованных – почти обречена быть осужденной, ненавидимой, и легко предсказать, какие обвинения посыплются в изобилии на ее автора. Можно ли вообще, беседуя с массой на ее языке, свести содержание данной работы к одной странице-ответу на одну страницу пропозиций? Можно ли превратить ее в набор веских, метких лозунгов, которые обыватель воспримет – в отличие от научного языка, ссылок на публикации, факты, оговорок о проблемах метода? Автор вынужден ответить отрицательно; есть какой-то предел упрощенчества и чрезмерной категоричности, который не может быть здесь преодолен. С прискорбием вынуждены мы констатировать тот факт, что эту работу практически невозможно донести до среднестатистического человека, как невозможно донести стратиграфию и генетику до креациониста, а математическую подоплеку спектрального анализа – до школьника, не желающего учить математику. Тем не менее, если хотя бы один читатель добрался до этого места, был огражден от категоричности в суждении и побужден к объективному, тщательному и академически непредвзятому исследованию обсуждаемых проблем, труд автора не пропал даром.

11 октября 2011 года